

ЗАБАВНО, МИЛО И СОВЕРШЕННО ДУШЕРАЗДИРАЮЩЕ. — ENTERTAINMENT WEEKLY

АВТОР РОМАНА «МОСКИТОЛЭНД»
ДЭВИД АРНОЛЬД

ДЕТКИ В ПОРЯДКЕ

THE NEW YORK TIMES BESTSELLER

Дэвид Арнольд
Детки в порядке
Серия «ГринЛит»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43116643

*Детки в порядке:
ISBN 978-5-386-10573-0*

Аннотация

Шестнадцатилетний Вик Бенуччи всегда в центре внимания. У него крайне редкое заболевание: синдром Мебиуса, при котором на лице полностью отсутствует мимика. Два года назад у мальчика умер отец, и Вик до сих пор не может пережить утрату. Когда ухажер матери делает ей предложение, Вик убегает из дому, прихватив с собой урну с прахом отца. В ней он находит написанное отцом письмо, полное таинственных посланий, которые Вик должен разгадать, чтобы исполнить его последнюю волю.

Содержание

Ребята с аппетитом,	5
Список персонажей	5
Один	8
Два	66
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Дэвид Арнольд

Детки в порядке

*Моим братьям, Джереми и Эй-Джею,
изначальным РСА*

*А также памяти моих дедушек, пары
настоящих Супер-скаковых лошадей*

© 2016 by David Arnold

© Денисова П. В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа
Компаний «РИПОЛ классик», 2019

Ребята с аппетитом, или Они жили, и они смеялись, и увидели, что это хорошо

Список персонажей

Ребята с Аппетитом

БРУНО ВИКТОР БЕНУЧЧИ III, 16 (ВИК): Нынешняя Глава. Опера. Матисс, Мэд. Суперскаковая лошадь.

МЭДЕЛИН ФАЛКО, 17 (МЭД): Новогодняя лапушка. Панковская прическа, Эллиот Смит, диаграммы Венна, реальность.

МБЕМБА БАХИЗИР КАБОНГО, 27 (БАЗ): Собиратель историй и татуировок. Противник хлеба. Восславим Господа.

НЗАЗИ КАБОНГО, 20 (ЗАЗ): Младший братишка База. Джига, «Journey» и щелчки пальцами. Говорит другими способами.

КОКО БЛАЙТ, 11: Автор песен. Рыжая. Мороженое и Квинс, и почти матерщина. Пипец какой!

Полиция Хакенсака

СЕРЖАНТ С. МЕНДЕС: Кофемания. Романтика против

ее воли. Усталая умница. Главного глазами не увидишь.

ДЕТЕКТИВ Г. БАНДЛ: Атомный взрыв. Бумаги и формуляры. Гордый представитель продуктивной буржуазии.

ДЕТЕКТИВ РОНАЛЬД: Двойник Уизли. Романтик по своей воле. Навыки сидения. Потерянный пудель.

Семья и другие

ДОРИС ДЖЕКОБИ БЕНУЧЧИ: Мама Вика. Вдова. Выпечка, семья, надо двигаться дальше. Делает что может.

БРУНО ВИКТОР БЕНУЧЧИ-МЛАДШИЙ: Отец Вика. Мыслитель сердцем. Фанат «Метс». Носитель треников. Скончался.

АВТОПОРТРЕТ (ДЯДЯ ЛЕСТЕР): Дядя Мэд. Виски, вопли и плач. Владелец ружей.

ДЖЕММА: Бабушка Мэд. Страдает деменцией. Тапочки, пижама и кока-кола в обеих руках.

БОЙФРЕНД ФРЭНК: Юрист. Вдовец. Поедатель зеленой фасоли и салага в литературе. Носитель костюмов.

КЛИНТ И КОРИ: Сыновья Фрэнка. Эмо-наряды и Бэтмен. «Оркестр потерянных душшш». Ребята без Аппетита.

ОТЕЦ РЕЙНС: Священник, мудрец, творитель добра. Обвенчал родителей Вика. Суперфанат «Iron Maiden».

РЕЙЧЕЛ ГРАЙМС: Нынешняя подружка База. Отважная медсестра. Грозы, бега и блинчики.

Ранние Главы

КРИСТОФЕР (ТОФЕР): Мастер тату. Сериалы и трезвость, и находчивость. Лысый.

МАРГО БОНАПАРТ: Официантка, контрабандистка, кокетка. Картошка с сыром. Ром. Bonjour, mes petits gourmands!

НОРМ: Русский мясник. Не понят обществом. Мясо. Кровавые свиньи. Не КГБ. Нет.

ГЮНТЕР МЕЙВУД: Отшельник. Арендодатель. Владелец Садов Мейвуд.

Золотая рыбка

Гарри Конник Младший-Младший: Пловец. Выживатель. Любитель холодной погоды. Никогда не сдается. А что?

Как же странно, что закат, который она видела со своего двора, и тот, на который смотрел я с заднего крыльца, был одним и тем же закатом. Может, разные миры, где мы живем, не такие уж и разные. Закат ведь у нас общий.

С. Э. Хинтон, «Изгой»

Один Значительные множества, или Подпоясайтесь, глупцы и бездельники

Комната для допросов № 3

Бруно Виктор Бенуччи III и сержант С. Мендес
декабря // 15:12

Подумайте вот о чем: в мире миллиарды людей, и у каждого миллиарды разных «я». Я сам – тихий наблюдатель, аутсайдер со стажем. Я любитель искусства, бейсбольной команды «Метс», люблю вспоминать папу. Я представляю примерно одну семимиллиардную часть населения; таковы мои значительные множества, и это лишь начало.

– Все началось с моих друзей.

– Что началось?

– Моя история, – говорю я.

Хотя это не совсем правда. Мне надо вернуться еще дальше в прошлое, до того, как мы стали друзьями, когда было всего лишь...

...

Ладно, тут все ясно.

– Я влюблялся около тысячи раз.

Мендес слегка улыбается и пододвигает ближе цифровой диктофон.

– Прости... ты сказал, ты влюблялся?

– Тысячу раз, – говорю я, пробегая пальцами по волосам.

Раньше я думал, что любовь связана числами: первый поцелуй, второй танец, бесконечно разбивающиеся сердца. Я думал, что числа живут дольше, чем сама любовь; выживают в темных закоулках разрушенного сердца. Мне казалось, что любовь трудна и тяжела.

Теперь я так не думаю.

– Я – суперскаковая лошадь.

– *Что?* – спрашивает Мендес. Взгляд ее одновременно суров и печален.

– Ничего. А где ваша форма?

На ней твидовая юбка, приталенный жакет и летящая блузка. Я молча замечаю ее карие глаза – очень напряженные. Если бы не одутловатые мешки под глазами и морщинки в уголках, напоминающие лицевые кавычки, глаза были бы вполне привлекательными. Я молча замечаю едва заметные бороздки у нее на шее и руках. Они указывают на преждевременное старение. Я молча замечаю отсутствие обручального кольца. Я молча замечаю ее темные волосы до плеч с едва заметным намеком на стрижку и укладку.

Мимолетность, намек, отсутствие, томление... Похоже, значительные множества Мендес таятся в примечаниях шепотом.

– Технически я не при исполнении, – говорит она. – Кроме того, я сержант, поэтому мне необязательно постоянно носить форму.

– Так вы тут главная?

– Я отчитываюсь перед лейтенантом Беллом, но это дело поручено мне. Если я правильно поняла твой вопрос.

Я протягиваю руку под кресло, достаю из переднего кармана рюкзака флакон «визина» и быстро закапываю оба глаза.

– Виктор, тебя искали восемь дней. А сегодня утром вы с... – Она листает бумаги, пока, наконец, не находит нужный документ. – Вы с Мэдлин Фолко заходите сюда, чуть ли не за ручку с Мбемба Бахизир Кабонго по прозвищу Баз, главным подозреваемым по делу об убийстве.

– Я не шел с Базом за ручку. И он не убийца.

– Ты так полагаешь?

– Я это знаю.

Мендес улыбается мне с жалостью. Хмурая такая улыбка.

– Он только что во всем признался, Вик. А еще на орудии убийства нашли его ДНК. У нас достаточно доказательств, чтобы засадить Кабонго за решетку, и надолго. Что мне хотелось бы прояснить, так это почему восемь дней назад ты сбежал из собственного дома и пришел *сюда* этим утром. Ты сказал, что у тебя есть история. Так расскажи ее.

Сегодняшнее утро еще свежо в моей памяти. Голос База звучит у меня в мозгу, как живой. *Отвлекающий маневр,*

Вик. Им будет нужно время. И мы должны дать им время.

– Каждая девочка, которая красит глаза, – говорю я.

...

...

Сержант Мендес прищуривается:

– Что?

– Каждая девочка, которая играет на музыкальном инструменте... за исключением, может, фагота.

– Прости, я не понимаю...

– Каждая девочка, которая носит старые кроссовки «Найк». Каждая девочка, которая рисует на своих кроссовках. Каждая девочка, которая пожимает плечами. Или печет печенье. Или читает.

Расскажи им про всех девочек. Про всех, в кого, как тебе казалось, ты был влюблен. Про всех из прошлого. Я улыбаюсь в душе – только так я и могу сейчас улыбнуться.

– Каждая девочка, которая катается на велосипеде.

Я достаю носовой платок и протираю угол рта, откуда стекает слюна. Папа называл меня дырявым кувшином. Тогда меня это бесило. Теперь мне этого не хватает.

Иногда... Да, похоже, я больше всего скучаю по тому, что раньше ненавидел.

Мендес откидывается на спинку стула:

– Твоя мама почти сразу сообщила о том, что ты пропал. Я была в твоей комнате, Вик. Уолт Уитмен, Сэлинджер, Матисс. Ты же умный мальчик. Я бы даже сказала, ботаник.

– К чему вы это?

– Я это к тому, что ты не крутой. Зачем ты притворяешься? Я под столом тереблю ткань своего браслета КОА. *Я широк, я вмещаю в себе множество разных людей.*

Мендес подхватывает:

– *Я отдаю все свои силы лишь тем, кто поблизости, я жду тебя у порога. Кто завершил дневную работу? Кто покончил с ужином раньше других? Кто хочет пойти прогуляться со мною?*

..

Я стараюсь не выказать потрясения, но не уверен, получилось ли: может, меня выдали глаза.

– Уитмен помогал не свихнуться после пар по уголовному праву, – объясняет Мендес. – Ты ведь знаешь следующие строки, так?

Нет, я не знаю. Поэтому молчу.

– *Успеешь ли ты высказаться перед нашей разлукой?* – тихо говорит она. – *Или окажется, что ты запоздал?*

..

– При всем уважении, мисс Мендес, вы меня не знаете. Она опускает взгляд на папку.

– Бруно Виктор Бенуччи III, шестнадцать лет, сын Дорис Джекоби Бенуччи и покойного Бруно Бенуччи-младшего, умершего два года назад. Единственный ребенок. Рост 168 см. Темные волосы. Страдает от редкого синдрома Мёбиуса. Одержим абстрактным искусством...

– Вы хоть знаете, что это?

– Ох, поверь, среди мошенников полно фанатов Пикассо. Так себе радость с ними работать.

– Я не об этом.

– Я знаю, о чем ты. – Мендес захлопывает папку. – И да, я изучила вопрос. Синдром Мёбиуса – редкая неврологическая аномалия с парализацией шестого и седьмого черепных нервов. Врожденное заболевание, вызывающее лицевой паралич. Я понимаю, что тебе приходится нелегко.

В голос Мендес закрадывается самодовольная нотка. Словно она только и ждала, когда я спрошу, что ей известно о моей болезни. У меня был синдром Мёбиуса, сколько себя помню, и это научило меня одному: если у кого хватает наглости утверждать, что они понимают, то вот именно они-то как раз ничего и не поймут. Кто понимает, предпочитает помалкивать.

– Вы изучили вопрос, – тихо, почти шепотом, повторяю я.

– Да, немного.

– Значит, вы знаете, каково это – когда под веки швыряют песок.

...

– Что?

– Ну вот такие ощущения. Из-за того, что не можешь моргать. «Сухость глаз»... Да это даже близко не объясняет, на что это похоже. «Пустыня в глазах» – вот это уже ближе к правде.

– Вик...

– А в ваших источниках было что-нибудь о том, как страшно бывает ночью, когда спишь с полуоткрытыми глазами? И что пить из чашки – все равно что пытаться заарканить луну? Лучшее, на что я могу надеяться, – это что одноклассники оставят меня в покое? А знаете, что некоторые учителя говорят со мной медленно-медленно, потому что считают тупым?

Мендес поерзала на стуле.

– Не поймите меня неправильно, – продолжил я. – Я не жалуясь. Это у меня еще легкая форма. Раньше мне хотелось быть кем-то другим, но потом...

Потом папа познакомил меня с Анри Матиссом. Художником, который верил, что у каждого лица есть свой собственный ритм. Матисс стремился в своих портретах выразить, как он говорил, «особую асимметрию». Мне это понравилось. Мне было интересно, что за ритм у моего лица, какова его особая асимметрия. Однажды я рассказал об этом папе. Папа сказал, что в моей асимметрии есть красота. Мне стало легче. Не то чтобы я перестал чувствовать одиночество, но оно как-то меньше давило. Теперь я по крайней мере разделял его с искусством.

– Но потом? – спрашивает Мендес.

А я-то уже почти забыл, что начал предложение.

– Ничего.

– Вик, я знаю, что тебе приходилось нелегко.

Я тычу обоими указательными пальцами себе в лицо:

– Вы имеете в виду мой... «недуг»?

– Я не называла это недугом.

– Ах да. «*Страдает от*», сказали вы. Как гуманно.

Я чувствую, как под браслетом расходятся в никуда крохотные тропинки. Мои пальцы всегда были силой, с которой нельзя не считаться. Вечно они царапают, скребут, щиплют. Браслет напоминает мне об их проделках, но пальцы сильнее. Их маленькие пальцемозги решительно настроены проверить, какой у меня болевой порог.

Я спрашиваю:

– Вы когда-нибудь слышали, что нужно пройти через огонь, чтобы стать тем, кем должен?

– Конечно, – кивает Мендес, прихлебывая кофе.

– Я всегда хотел быть сильным, мисс Мендес. Но огня как-то, по-моему, многовато.

...

– Виктор, – раздается еле слышный шепот. Мендес склоняется ко мне, и все ее существо словно переходит из защиты в нападение: – Вик, посмотри на меня.

Я не могу.

– Посмотри на меня, – повторяет она.

Я смотрю.

– Это Баз Кабонго объяснил? – Она медленно кивает. – Не бойся. Ты можешь мне сказать. Это он, да?

Я молчу.

– Давай я расскажу тебе, что, как мне кажется, произошло на самом деле, – предлагает она. – Кабонго занервничал, когда увидел свои портреты расклеенными по всему городу. Решил, что хватит прятаться. Он уговаривает вас с твоей девушкой солгать нам. Рассказать, что вы были там, где вас не было... в то время, когда вы были где-то еще... с людьми, которых вы не видели. Он знает, что алиби – его последняя надежда. Алиби, или свидетель, который переложит вину на кого-то другого. А кто подойдет для этого лучше, чем двое невинных детей? Ну что, я близка к истине?

Я ничего не отвечаю. Я кого угодно перемолчу. Каждая минута – это уже победа, пусть даже и очень маленькая.

– Я хорошо делаю свою работу, – продолжает она. – И хотя мне пока не известно, где ты был вечером семнадцатого декабря, я знаю точно, где тебя не было. Тебя не было в том доме. Ты не видел ту лужу крови. Ты не видел, как гаснет взгляд того человека, Виктор. Знаешь, почему я в этом уверена? Если бы ты все это видел, то не сидел бы сейчас в этом кресле и не тратил бы мое время на какую-то херню. Ты бы обоссался от страха, вот что.

...

...

Эти пальцемозги – жестокие создания. Они отгрызают от моих множеств целые куски.

– Кабонго полагается на твою ложь, Вик. Но знаешь, о чем он забыл? Он забыл про Матисса. Забыл про Уитмена.

Забыл про искусство. А ты ведь знаешь, что общего у всех достойных произведений, да? Честность. Та часть тебя, которая знает, что к чему. И именно эта часть расскажет мне правду.

Я молча считаю до десяти под звуки Базова голоса, который все звучит и звучит у меня в голове, как заезженная пластинка. *Пусть думают, что хотят. Но ты им не лги.*

– Мы защитим тебя, – говорит Мендес. – Тебе нечего бояться. Просто расскажи мне, что случилось.

Отвлекающий маневр, Вик. Им будет нужно время. И мы должны дать им время.

...

...

Я склоняюсь ближе к диктофону и прокашливаюсь.

– Каждая девочка, которая пьет чай.

Мендес спокойно захлопывает папку:

– Ладно. Думаю, мы закончили.

– Каждая девочка, которая ест малиновое печенье.

Она выдвигает стул из-под стола, встает с видом человека, завершившего дело, и говорит громко и четко:

– Опрос Бруно Виктора Бенуччи III завершен сержантом Сарой Мендес в три часа двадцать восемь минут пополудни. – Она нажимает кнопку, хватает со стола кофе и папку и идет к двери. – Скоро за тобой заедет мама. А пока можешь выпить кофе – там, дальше по коридору. – Она качает головой, открывает дверь, и бормочет: – Сраное малиновое

печенье.

Полицейское управление Хакенсака и комната для допросов № 3 растворяются, превращаясь в Сады Мейвуд, Парник номер одиннадцать. Я представляю себе: Баз Ка-бонго, с его спорными родительскими инстинктами и рукавом из татуировок; бесстрашная Коко, преданная до самого конца; Заз Кабонго – щелкает пальцами, пританцовывает на месте... А еще я представляю Мэд. Я помню этот момент; *мой* момент надрывающей сердце ясности, когда облака расступились, и я увидел все так, как не видел никогда раньше. Дело в том, что я не знал, что такое любовь, пока не увидел, как она сидит в парнике, разворачиваясь передо мной, как карта, и открывая множество неисследованных земель.

Сержант Мендес открывает дверь, чтобы уйти, а я вытаскиваю руку из-под стола и поднимаю ее. Браслет оказывается на уровне глаз. Я восхищенно разглядываю большие белые буквы на черном фоне: РСА Уолт Уитмен был прав: мы правда вмещаем в себя множества. По большей части трудные и тяжкие, и тогда это сплошные беспокойства. Но другие – о, какие же дивные!

Вроде вот этого.

Я – один из Ребят с Аппетитом.

– Я *был* в том доме, мисс Мендес. – Я фокусирую взгляд на белоснежных Р, С и А. Расплывчатые очертания Мендес застывают в дверном проеме. Она не оборачивается. – Я был там, – говорю я. – Я видел, как погас его взгляд.

(ВОСЕМЬ дней назад)

ВИК

«Цветочный дуэт» завершился.

«Цветочный дуэт» начался опять.

Волшебство повтора.

Я скучал по папе. Следовательно, я стоял на краю пирса.

Именно этим я занимаюсь, когда сильно скучаю по папе.

Стоять на краю пирса приходилось часто.

Я засунул руки в карманы и поднял воротник куртки, чтобы защититься от холода Джерси (он похож на злобного дракона с длинными ледяными зубами). Волосы развеваются на ветру. Ну и что, если спутаются. Мне-то какая разница.

Волосы не имеют никакого значения.

Две вещи имеют значение:

1. Эта ария, «Цветочный дуэт». Раньше она была папиной любимой. Теперь она моя любимая.

2. Подводная лодка в спячке. USS-Ling.

Когда-то великое судно, достойное морских волн, она уже давно покоится в водах реки Хакенсак; гораздо дольше, чем я живу. Лодка напомнила мне вот о чем: скаковых лошадей на пенсии отправляют на фермы для секса, где они только и делают, что размножаются с другими скаковыми лошадьми.

Заводчики надеются, что лучшие лошадиные гены победят и на свет появится Суперскаковая Лошадь. (Однажды папа отвел меня на экскурсию на такую ферму; когда гид завел разговор о меринах и различных методах искусственного оплодотворения, я решил, что лучше подожду в машине.) К сожалению, в реке не водится других подводных лодок, с которыми Ling мог бы размножиться.

Следовательно, никакого подводнолодочного секса.

Следовательно, никакой Суперподводной.

Эту часть берега определили под официальный морской музей с экскурсиями и всем прочим. Музей открывался только по выходным, а значит, во все остальные дни я мог находиться тут, никем не потревоженный. Чаще всего я забредал сюда после школы. Интересно, думал я, на что похожа подлодка по ночам. Не знаю, почему меня так к ней тянуло. Возможно, потому, что ее настоящая жизнь уже завершилась, но лодка все еще была здесь, с нами. Я чувствовал с ней какое-то родство.

У меня в кармане завибрировал телефон. Я вытащил его наружу и нажал на экран, чтобы прочесть эсэмэс от мамы.

«Слушай, можешь забежать к бабушке за прошутто? Пжлст?:):)»

Эти сокращения – просто ужас какой-то. Мама все еще пользуется древним телефоном-раскладушкой, на котором, чтобы добраться до нужной буквы, надо нажать кнопку раз

десять. Я не раз пытался продемонстрировать маме удобство нормальной клавиатуры, но она так и не поняла.

Я напечатал в ответ:

«С превеликой радостью и благодарностью, о благая мать, выполню я ваше желание откусать венецианского мяса, приправленного солью, этим дивным вечером. Вернусь незамедлительно и с большою поспешностью.

Навеки ваш любящий сын, Виктор. :) :) :)»

Через секунду она ответила:

«Спс, детка».

...

Спс, детка.

Я убрал телефон обратно в карман и посмотрел вдаль на Ling. Совсем недавно мама бы подыграла мне. Ответила бы так же витиевато.

Но теперь все иначе.

...

...

«Цветочный дуэт» подошел к душераздирающему припеву. Ветер все так же терзал мне волосы. Я не то чтобы особо любил оперу; я любил эту конкретную. Представлял, как эти две женщины с их головокружительными сопрано заслуживают такой же головокружительный успех. Они не пели; они *летали*. Однажды папа сказал, что люди не любят оперу, потому что слушают мозгами, а не сердцем. Он сказал, что у многих мозги туповаты, но сердца, как лазер, прореза-

ют любую толщину лапши на ушах. *Думай сердцем, В*, говорил он мне. *Именно там живет музыка*. Папа постоянно разговаривал в таком стиле, потому что он был парнем, который живет настоящим моментом. Думает сердцем. Теперь таких, как мы, осталось совсем мало.

Я пнул ближайший камень, целясь в артиллерийскую установку, и позорно промахнулся. Я вслух говорил с отцом, отлично понимая, что он меня не слышит. И я себя тоже не слышал (в наушниках на полную громкость взмывали ввысь сопрано), но это было даже приятно. Говорить, не слыша себя. Я пнул еще один камень. Точно в яблочко. Камень звякнул о ствол пушки и, отскочив, плюхнулся в темные речные воды. Я улыбнулся про себя, представляя, как он погружается на самое дно, где останется навсегда. И никто не будет знать, что он там в спячке.

Совсем как Ling. Как мой голос в пустом воздухе.

Как я сам.

Отвернувшись от пирса, я перешел через Ривер-стрит, левой-правой, левой-правой, наслаждаясь одиночеством этой прогулки до «Бабушкиных деликатесов». На улице было холодно. Знаете, такой холод, который видно: дохнь — и перед лицом поплывет, распускаясь, цветок лотоса. Такой холод, когда не знаешь: то ли небо затянуло облаками, то ли само небо цвета облаков. Холод говорил с нами целыми предложениями, и вот что он сказал: *Снег уже в пути, ребята. Соберитесь со своим мелочным, никчемным духом.*

«Цветочный дуэт» подошел к концу.

«Цветочный дуэт» начался вновь.

О, эта магия повторов.

Боже, как же я скучал по папе.

Я склонился над стеклянной витриной, пытаюсь вспомнить, в чем разница между панчеттой и прошутто. Не то чтобы это было важно; для лазаньи Бенуччи подходило исключительно прошутто. На меньшее она не соглашалась.

– Ты мальчик малый, так?

Я огляделся по сторонам, пытаюсь понять, к кому обращается мясник. Помимо меня в магазине был только грузный подросток, полностью облаченный в одежду с символикой «Нью-Йорк Джетс»: шапка, шарф, варежки, куртка. Он сидел за столиком в углу, зажав в руках сэндвич и банку колы и осматривая меня с видом любопытства, отвращения и абсолютной растерянности. Мне был хорошо знаком этот взгляд.

– Ты. – Мясник ткнул в меня могучим пальцем из-за прилавка. – Ты мальчик малый. Так?

– Ну... наверно. Я несколько маловат для своего возраста.

– Чего? Громче говори.

Фанат «Джетс» за моей спиной фыркнул. Я заправил волосы за уши и попробовал ответить покороче:

– Да. Я малый мальчик.

Я малый мальчик.

Мясник (его, если верить бейджику, звали Норм) повернулся к куску мяса на колоде:

– Ну ладненько тогда. Малым мальчикам нужно мясо. Крепит кости! Вырастешь большой, сильный. – Он улыбнулся, поигрывая бицепсом. – Как я! Ха!

Я никогда не знал, что ответить этому парню. Наполовину лев, а наполовину – почти наверняка – русский, он был покрыт неприглядно густыми волосами, которые росли из самых неприглядных мест. Да, он был тучен, но дело не только в этом. Сама его тучность – крепкая, бугристая, мясистая – выдавала человека, который не прочь отведать товара, который продает. Согласно моей теории, Норм был бывшим агентом КГБ и теперь прятался в северном Джерси, дожидаясь победы нового советского режима.

...

Прозвонил колокольчик над дверью, и вошли они. Все четверо. Как всегда, вместе.

Я встречал этих ребят в городе уже раз десять. Жизнь в Хакенсаке не то чтобы бьет ключом; куда ни пойдешь, скоро начнешь наталкиваться на знакомых незнакомцев. Обычно это происходило по чистой случайности; скорее *dijà vu*, чем рука судьбы.

– Привет, Норм, – сказал старший.

Я слышал, как другие называют его Базом. Ему было лет двадцать пять или около того. Мускулистый, высокий – метр

восемьдесят, не меньше. На его рубашке не хватало рукавов; от левого плеча вниз по руке бежали татуировки. Своим внешним видом он бросал вызов не только обществу, но и самой погоде. Говорил Баз с легким акцентом, который я не мог распознать, и неизменно носил бейсболку с логотипом «Трентон Тандерс».

– Да, мистер Баз. – Норм вытер окровавленные лапы о фартук, и глаза его сияли. – Я как раз думал, что, может, увижу вас сегодня. Погодите минутку. Я сейчас вернусь. – Норм исчез в подсобке.

Я стоял в углу, заправляя волосы за уши и чувствуя себя малым, очень малым мальчиком.

По не совсем понятным причинам Норм в присутствии этих ребят превращался в Суперскаковую лошадь. Даже фанат «Джетс», минуту назад буравивший меня взглядом, продолжал жевать кусок бутерброда, который откусил, когда группа только зашла. Из них сочился какой-то безрассудный энтузиазм, словно в любой момент они могли бросить все и убежать. Нипочему, просто смеха ради.

– На что уставился, пацан?

Самая крохотная в компании, эта девочка лет десяти-одиннадцати с кудрявыми рыжими волосами и вся в веснушках, носила свитер на вырост и варежки из разных пар. Она не выпускала ладонь База из своих рук.

– Коко, – сказал Баз, – не груби.

Он одарил меня быстрой улыбкой, а потом повернулся и

щепнул что-то третьему в компании. Тот выслушал, энергично кивнул и дважды щелкнул пальцами. Ему было лет девятнадцать или двадцать, и кофта с логотипом «Journey» была ему сильно мала: рукава едва прикрывали локти.

Последней в группе была сероглазая девушка в облегающей сине-зеленой куртке с радужными полосками и желтой вязаной шапке; волосы у нее были такие длинные и золотистые, что не сразу разберешь, где начинается шапка и заканчиваются пряди. Желтый, радужный, серый... взрыв палитры, сошедший с ума Матисс. Она стояла в тени остальных, уткнувшись в книгу, словно книги для того и придуманы, чтобы читать их в мясницкой лавке. Ледяная, стоически прекрасная.

Я часто видел этих ребят, но очарование этой девочки поражало меня всякий раз с новой силой. Панчетта, прошутто, сраный ветчинный рулет – какая разница? Присутствие этой компании порождало во мне первобытное волнение, смесь восхищения и страха.

– Ну ладно. Знаешь что? – заявила маленькая рыжinka, выпуская ладонь База и складывая руки на груди. – Ты ужасно много пялишься. Тебе уже кто-то говорил? И кстати, это мы должны пялиться на тебя.

– Коко! – вступился Баз.

Я закрыл лицо волосами и снова повернулся к витрине с соленой свининой. К таким комментариям, особенно от детей, я уже давно привык. Но привыкнуть – не значит пере-

стать страдать.

Норм вернулся из подсобки с объемным бумажным пакетом и швырнул его через прилавок Базу в руки. Тот улыбнулся, поблагодарил его, потом развернулся и вывел ребят из магазина. И вот они исчезли.

– Ладушки. – Норм снова повернулся ко мне. – Чего изволишь, малый мальчик?

Сквозь окно магазина я наблюдал, как ребята переходят дорогу. Они двигались как один человек... Может, мир совсем не такой, как я его себе представлял?

– Панчетта, – пробормотал я, слишком увлеченный зрелищем за окном, чтобы подумать о том, что говорю.

– Ладушки. Сколько?

Я смотрел, как они сходят с Центральной улицы, поворачивают на Банта, и скрываются за углом.

... ..

– Эй, малый мальчик? Что-то не так?

Я не ответил.

Вместо этого я рванул из «Бабушкиных деликатесов» без прошутто, без панчетты, чуть не сбив колокольчик над дверью, и побежал через дорогу в каком-то помешательстве. По центральной улице – и дальше, за угол Банта. Мой маломальчиковый мозг все еще обрабатывал информацию, но сердце прорывалось через горы бессмыслицы, как настоящий рысак.

МЭД

Я перелистнула страницу «Изгоев» и в который раз пожалела, что не могу нырнуть в книгу. Нырнуть в выдумку – о, если бы случилось это «о, если бы».

– У Хааген-Даз есть хороший со вкусом кофе, – сказала Коко. – Печеньки со сливками, шоколад с зефиром, итальянское карамельное тира... Мэд, как это называется?

Я подняла взгляд: Коко стояла, прижавшись носом к холодной стеклянной витрине, и вокруг ее всклокоченной шевелюры тысяча ведерок с мороженым крутились, словно вокруг рыжего солнца.

– Тирамису, – сказала я. – Это похоже на такой мягкий пирог. Только вроде это не настоящий пирог. Но в нем есть кофе и ром.

– Да ты чё! – ахнула Коко. – Ром? Как пьют пираты? Из какой дыры я вылезла, что не знаю про тирамису? Ой, посмотри, есть со вкусом песочного теста! Это ведь твое любимое, да, Заз?

Заз уставился на витрину с мороженым, словно глядел куда-то далеко-далеко, и щелкнул пальцами. Громкий звук эхом пронесся по магазину.

«Фудвиль» на улице Банта жил неторопливо и очень, очень скучно, как раз нам по вкусу. Сотрудники снова и снова расставляли и переставляли безликие коробки с хлопья-

ми, солеными огурцами и лапшой быстрого приготовления. Они протирали чистые полы и приклеивали этикетки на товары, где уже были этикетки, и притопывали в такт немощному ритму радио; они возводили пирамиды из консервов и трудились в дальних углах, рядом с натертым сыром, где мерцали флуоресцентные лампы.

А в самом центре «Фудвиля» стоял наш собственный маленький городок: одиннадцатый ряд, замороженные молочные десерты. Мы таращились на мороженое, словно ожидая, что это оно выберет нас.

Баз появился из-за угла, толкая перед собой полупустую тележку и устало свисая через ее край, как изможденная мать четверых детей.

В каждой семье есть нормальный член, только в некоторых, похоже, эта нормальность более нормальная.

– Ну наконец. – Коко пожирала мороженое глазами. – Мэд говорит, что тирамису – это такой мягкий пирог с настоящим ромом, как пираты пьют. Это правда? Скажи, это правда?

– Я не знаю. – Баз снял кепку и пробежал пальцами по волосам. Я уже видела этот жест раньше и знала, что он значит. Пора готовиться к урагану ярости, который обрушит недовольная Коко.

– Ну тогда мы точно должны попробовать. – Она открыла дверь морозилки. – Но давай возьмем еще какое-нибудь, а то вдруг это будет пипец отстойным.

– Прости, Кокосик, – сказал Баз. – В другой раз.

Она вздохнула:

– Ну ладно, раз только одно, тогда...

– Нет. Я имею в виду, вообще без мороженого. Как-нибудь потом, ладно?

Взъерошенные волосы Коко взлетели вверх, она резко развернулась:

– А ну-ка повтори.

– Мне заплатят только завтра. Поэтому сегодня вот. Завтра нам все равно возвращаться за вещами Гюнтера, может, тогда и возьмем мороженое. Да и это... посмотри какая на улице холодина.

– А в животе у меня не холодина. – Коко повернулась обратно к морозилке. Она протянула руку к дверце, и голос ее зазвучал выше, зазвенел серебряным колокольчиком добродетели: – Оно влезет мне под куртку, Баз. Никто и не заметит, что оно пропало.

Я не могла не восхититься: такая крошка, а способна на такие крупные гадости. Коко, она такая. Не только кожа да кости, но еще и дикая воля к жизни, боевой дух и яростная преданность, которую больше нигде и не встретишь. Когда она говорила своим тоненьким голоском, вы все равно слышали заглушенный рев за каждым ее словом.

– Мы заметим, Коко, – ответил Баз. – Ты знаешь мои правила.

За спиной раздался оглушительный грохот.

Там, в конце ряда, стоял мальчишка. Вокруг него валялись консервные банки, когда-то расставленные идеальной пирамидой, а теперь разбросанные в беспорядке, как осколки после взрыва.

– Это он, – прошептала Коко. – Тот чувак от «Бабушки». Который тарашился.

Коко была права: до сегодняшнего дня мы пару раз встречали этого паренька. Длинные жирные космы, острый взгляд синих глаз... Но определяло его не это. Он носил рюкзак, синие джинсы, ботинки на шнуровке. Но определяло его не это. У него было незабываемое лицо. Во-первых, оно совершенно не двигалось. Не улыбалось, не хмурилось, не передавало никаких эмоций. Все лицо, за исключением глаз. Глаза у него были живые и яркие, но я не уверена, что заметила бы это, если бы сейчас он не смотрел на меня в упор.

Подошла юная девушка в сетке для волос. Она оглядела сцену разрушения.

– Ну что за дела! Я только закончила расставл... – Она посмотрела на мальчика и, проглотив слова, издала слабый удивленный вздох.

На секунду наступила тишина. Затем сотрудница в сетке для волос склонилась и стала подбирать банки:

– Не переживай, приятель. Всякое случается.

Парнишка вцепился в рюкзак, одарил меня прощальным взглядом, развернулся и убежал.

Я же говорила... – Коко уже успела отвернуться и продол-

жила изучать солнечную систему ведерок с мороженым. — Пипец он странный, этот чувак.

Заз щелкнул пальцами.

Баз подошел, чтобы помочь девушке собрать банки, а я вернулась к своей книге, притворяясь, что читаю. Притворяясь, что синева этих глаз не пронзила меня насквозь, притворяясь, что мне неинтересно, что бы сотрудница «Фудвиля» сказала этому пареньку, если бы его лицо не выглядело так, как оно выглядит.

ВИК

Я стряхнул снег с ботинок и поставил их у двери сушиться. В прихожей с важной вальяжностью расположились два гитарных чехла с нашивками: «The Cure» и знак Бэтмена.

У нас в гостях были Клинт и Кори. Сыновья Бойфренда Фрэнка.

Я совсем недавно разрушил консервную пирамиду на глазах, возможно, у самой красивой девушки на свете (а если и не самой красивой, то уж точно самой поразительной, такой, от которой прошибает пот). Присутствие Бойфренда Фрэнка — и его отпрысков, живущих в собственном мультфильме Тима Бертона, — было последним, чего бы мне сейчас хотелось.

Они выжимали из меня силы. И еще с какой вальяжностью.

Клинт и Кори не были близнецами, но вы бы их отличить не смогли. Они носили одинаковые готические наряды, и зубы их были слишком велики для черепов. Я представлял, как корни зубов у них прорастают в глубь головы и крепятся там, где полагается быть мозгу. Как и я, Клинт и Кори потеряли одного из родителей из-за рака. Но, в отличие от меня, они использовали свою трагедию, чтобы измазаться черной подводкой для глаз и основать группу под названием «Оркестр потерянных душшш». Я-то вместо этого занимался куда более разумными вещами. Например, проводил эксперимент: как сильно нужно вдавить кредитную карточку ребром в руку, чтобы пошла кровь? Мама пригласила их репетировать у нас в подвале, и вот они уже стали завсегдатаями резиденции Бенуччи.

Как я уже сказал, это все очень, очень вальяжно.

Я услышал маму; она сидела на кухне с Фрэнком, Клинтом и Кори. Дружная, счастливая семья. Их счастливые дружные голоса звенели счастливыми дружными колокольчиками из нашей счастливой дружной кухни.

Дзынь-дзынь-как-твой-дзынь-день?

Я поставил рюкзак рядом с гитарными чехлами, повесил куртку и прошел по коридору. Мама, твердо решившая не пропускать больше ни праздника, с самого Дня благодарения начала готовиться к Рождеству. Украшает дом, печет пироги, тарталетки, хлеба, торты, пудинги... «Все во славу Рождества», как она сказала уже сотню раз. Интересно, может, в

этом году мы можем назвать этот праздник как-то иначе?

Впрочем, ладно.

Я ее не виню.

В прошлом году Рождество получилось так себе.

Это была первая годовщина с папиной смерти. Никаких гирлянд. Никаких пирогов. Даже елки не было. Так что, если ей теперь хотелось обвешать огоньками каждый угол и закуток в доме и разукрасить коридоры, как обезумевшей Снегурочке, я не против. Однако был в доме один предмет, не затронутый маминым безудержным энтузиазмом. Журнальный столик в прихожей.

В нем самом не было ничего особенного.

Но на столешнице стояло нечто настолько величественное, настолько огромное, что у меня дрожали колени всякий раз, как я проходил мимо.

Я безвольно наблюдал, как мои ноги в носках, обрета собственную волю, медленно пододвигаются к столику. Я стоял так близко, что мог дотронуться до него. Так близко, что мог протянуть руку и потрогать урну с папиным прахом.

У меня завибрировал телефон. Я вынул его и увидел еще одно сообщение от мамы.

«Ты где?»

Из кухни звенели счастливые дружные голоса. *Дзынь-дзынь-как-прошел-дзынь-дзынь-день?* Я положил телефон

на столик и потянулся к папиной урне. Пальцы замерли в паре сантиметров.

Когда твои веки не двигаются, это прилично усложняет жизнь. Особенно нелегко приходится со сном и морганием. Но есть еще кое-что, о чем многие не задумываются: воображение. Представьте, как вы воображаете себе что-то, какое-то место или предмет. Вы ведь закроете глаза хоть на секунду? Такое вот долгое моргание.

Для меня это было настоящей проблемой, пока папа не научил меня уходить в Страну Ничего. Он сказал, что люди закрывают глаза, воображая что-то, потому что им нужно пустое пространство, с которого можно было бы начать. Он объяснил, что видит, когда закрывает глаза. Что это не чернота или темнота... а просто пустота. *И найти что-то можно только погрузившись в ничто, Вик.*

А теперь он сам был воплощенным Ничем.

Теперь он был в банке.

Я отправился в свою Страну Ничего и представил, как папа заглядывал ко мне перед сном.

Эй, Вик. Нужно что-нибудь?

Нет, пап.

Все хорошо?

Да, пап.

Ну тогда хорошо. Спокойной ночи.

Спокойной ночи, пап.

Мне тогда казалось, что он ужасно мне надоедает. И вот, стоя в носках в забытии темного коридора, вытянув руку вперед, я застрял между чем-то и ничем, недоумевая, как эта обычная, ничем не примечательная урна способна источать жар тысячи пустынь.

Папа умер два года назад. И я до сих пор не мог дотронуться до урны.

– Обед просто бомбический, Дорис. – Фрэнк перевел взгляд на сыновей. – Скажите, мальчики, еда просто шик!

Клинт прокашлялся:

– Да, пап, точно.

Кори хмыкнул и кивнул.

– И как у тебя получается, что эти... – Фрэнк ткнул в картофелину, подыскивая слова. – Хрустящие кусочки... и пряности... как ты делаешь их такими...

– Хрустящими и пряными? – спросила мама.

Фрэнк рассмеялся, склонился к ней и чмокнул в щеку. Его рука под столом дернулась в ее направлении. Я поперхнулся, каким-то чудом не скончавшись прямо на месте.

– Честное слово, с картошкой я ничего не делала. Но я с радостью передам твои восторги повару с фабрики замороженной картошки. Я собиралась сделать свою знаменитую лазанью, но кое-кто забыл купить прошутто.

Она устремила взгляд на меня.

– Ага, – сказал я, прочистив горло. – Прощения прошу.

Я вообразил лицо Стоической Красавицы и твердо знал, что никакого прощения я не прошу, совсем, ни капельки.

– Я мог бы купить прощутто по пути из суда, солнышко. – Фрэнк нагреб себе на тарелку стручковой фасоли.

Фрэнк любил говорить про суд. Суд то, суд это. Разговоры о суде делали бойфренда Фрэнка в собственных глазах Фрэнком-Суперскаковой-Лошадью.

Но на самом деле он был больше похож на французского пуделя.

– На самом деле я даже позвонил узнать, не нужно ли тебе чего, но ты не ответила. Я бы оставил сообщение, но...

– Знаю, знаю.

– Кое-кто по совершенно необъяснимой причине отказывается чистить голосовую почту.

– Знаю, – ответила мама, широко улыбаясь. – Вот сегодня этим и займусь. Хорошо?

Фрэнк склонился к ней и зашептал:

– Сегодня ты точно этим займешься.

– Фу, пап, – сказал Клинт.

Кори поперхнулся и потряс головой.

Я глотнул газировки, размышляя, а что случится, если я сейчас перегнусь через стол и влеплю бойфренду Фрэнку пощечину.

Фрэнк был полной противоположностью папе: элегантный, успешный, с пышной шевелюрой. Совершенно неспособный на тонкость чувств. Он был громогласным, пожира-

ющим стручковую фасоль юристом и неизменно ходил в костюме. Я ни разу не видел его в чем-либо еще. Наверно, он просто влюблен в костюмы. И наверно, в этом нет ничего особо значительного, но мне это было важно. Папа часто ходил в магазин в пижамных штанах.

Да и я тоже из таких.

– Ну, ребята, – сказала мама, – как поживает ваша группа?

– Хм... – Клинт быстро кинул взгляд на отца. – Ну это. Хорошо, миссис Бенуччи. Правда, хм, хорошо. Так, Кори? – Он пихнул брата локтем под ребра. Кори тут же перестал жевать и сосредоточился на хмыканье и кивках.

Фрэнк положил на тарелку третью порцию фасоли.

Мда уж. В фасоль он, видимо, тоже влюблен.

– Вот и отлично, – сказала мама. – Может, вскоре мы услышим что-нибудь из вашего? Ну, вроде концерта. Ты согласен, а, Вик?

Я поднял свой тонкостенный стакан в ироническом тосте, опустошил его до дна и поднялся.

– Ты куда? – спросила мама.

– Возьму еще газировки.

Клинт кинул вилку на тарелку, встал и схватил мой пустой стакан.

– Я налью. – И он скрылся на кухне, оставив нас недоумевать, что же, черт возьми, только что произошло.

Клинт редко вызывался кому-то помогать, а уж особенно мне.

– Как мило с его стороны, – засияла мама.

– Он очень милый пацан, – сказал Фрэнк с набитым ртом.

Я мысленно прошелся по списку неопределяемых ядов, которые можно найти у нас на кухне. Чего-то такого, что Клинт сможет подбросить мне в напиток. Он вернулся через минуту, поставил передо мной бокал и сел на свое место, не говоря ни слова. Мама продолжила говорить. Что-то насчет того, как она счастлива, что мы все хорошо ладим. Я не особо прислушивался. Меня больше занимал тот факт, что Клинт заменил мой стакан папиным любимым пивным бокалом с логотипом «Метс». Бокал был из толстого стекла, а значит, я почти наверняка пролью на себя газировку, пока буду пить.

– У Клинта и Кори особые отношения, – сказал Фрэнк. – Особенно если вспомнить, что они погодки. Даже одеждой меняются.

Я обхватил бокал, но поднимать не стал.

– Что-то случилось? – с едва заметной улыбкой спросил Клинт.

Кори хмыкнул, кивнул, прожевал кусок.

Клинт с Кори предпочитали гадить исподтишка. Они не смеялись над моим лицом, как обычные дети. Они понимали: чтобы боль длилась дольше, нужно докопаться до ее оснований.

– В смысле генетики, – гудел Фрэнк. – У братьев ДНК так же похожи, как и у детей с родителями. – Он запихнул в рот фасоли, словно ставил точку в конце предложения.

– Ты просто кладезь знаний, Фрэнк, – сказала мама, не замечая папиного бокала. Либо предпочитая не замечать.

С тех пор как отношения мамы с Фрэнком стали серьезными, наши с ней сократились до минимума: минимум слов, прикосновений, чувств. Ее красота поувяла в Темные Дни, но и оставшейся хватало с избытком. Волосы у нее, как и улыбка, были яркими и юными; морщины у глаз стали заметней, но разве можно было ожидать иного? С самого диагноза до похорон она не отходила от папы ни на минуту. Было всего три причины, по которым она соглашалась покидать дом в Темные Дни:

1. Продукты.
2. Лекарства.
3. Процедуры.

После диагноза папа прожил еще полтора года. Доктора говорили, что это редкий случай. Говорили, что он – боец. Говорили, что ему повезло.

А я сказал, что если они считают, что папе повезло, то пусть проверят голову. По крайней мере, у него была мама, которая ухаживала за ним. Полтора года она жертвовала всем, чтобы папе под конец жизни было удобнее. Разве не должен я теперь за нее радоваться? Разве она этого не заслужила? Разве не должен я встречать бойфренда Фрэнка с распростертыми объятиями? Конечно да. На все три вопроса. Но в глубине души я думал о жертвах, на которые она пошла,

и сравнивал их с тем, что она получила взамен.

– Это и в литературе есть, – как по команде, снова заговорил Фрэнк.

Он снова отправил в рот порцию стручковой фасоли, и я с трудом удержался, чтобы не спросить, не нужна ли ему вторая вилка. Ну, чтобы по одной в каждую руку.

– Помните, в этом русском романе про четырех братьев, – продолжил он. – Как их там... Ох, никогда не могу запомнить название.

Я посмотрел на маму. Решится ли она посмотреть на меня. Хоть раз за вечер посмотреть мне в глаза. Хоть раз забыть о нашей азбуке Морзе и заговорить, как в старые времена.

– Ну вот, теперь не успокоюсь, пока не вспомню. – Фрэнк даже перестал пихать в рот фасоль. – Братья какие-то там. Толстой... известный же такой роман...

– Карамазовы, – тихо сказал я, не отводя взгляда от мамы.

Улыбка на ее лице растворилась. Медленно, медленно она перевела на меня глаза. Наконец-то. На пару секунд стол тоже растворился. Фрэнк, Клинт, Кори... Все исчезли. Остались только мы вдвоем. В грустном доме, полном счастливых воспоминаний. Мы смотрели друг на друга, пока она не отвернулась в сторону. И тогда я понял, что потерял ее.

Я отодвинул тарелку, заткнул волосы за уши и поерзал на сиденье.

– Фрэнк, вы тупой кретин.

– Виктор! – закричала мама.

Фрэнк, на секунду оглушенный, повернулся помочь Клинту, который внезапно поперхнулся хрустящей картофельной корочкой. Кори жевал, хмыкал, кивал.

Мама грозно поднялась из-за стола:

– На кухню! Сейчас же.

Я, не торопясь, встал, с силой отодвинув стул от стола и последовал за ней на кухню. Гирлянда рождественских огней валялась у холодильника: так гравитация за три недели победила скотч. Столешница была заляпана мукой, сахаром и яйцами: следы недавнего маминого романа с выпечкой.

– Давай объясняй, – она сложила руки на груди.

– Что объяснять?

– Это было чудовищно грубо.

– А что я мог поделать? Твой бойфренд типа так хорошо разбирается в хромосомном наборе родственников, но при этом думает, что Толстой написал «Братьев Карамазовых». И я почти уверен, что он прекрасно помнил название, но боялся, что произнесет его неправильно.

– Солнышко... – начала она.

– Может, если он на время оторвется от бесконечных биографий Черчилля, то сможет посвятить время...

– Виктор.

– Что?

– Говори, в чем дело.

...

...

– В литературном мастерстве Федора Достоевского.

Мама не засмеялась. Даже не хмыкнула.

– У всех разные вкусы, Вик. В отношениях нельзя руководствоваться литературными предпочтениями.

Я почувствовал, что пытаюсь улыбнуться. Такое иногда случалось. Удивительное дело: у меня ни разу не получилось, ни разу за всю жизнь, но желание никуда не уходило. Мама раньше говорила, что по глазам замечает, что я смеюсь. Говорила, что они как-то меняются. Что радости в них хватает на все мое лицо.

– И что тут смешного? – спросила мама.

Предательские глаза.

– Ничего смешного. – Я тоже сложил на груди руки. – Разве что-то вообще бывает смешное?

На секунду воцарилась тишина. Мама положила мне на плечо руку:

– Я знаю, что все это тяжело. Это... Ничто не дается нам легко. Но помнишь, о чем мы говорили? Что надо двигаться дальше?

Я сглотнул комок в горле, когда она притянула меня к себе. Конечно, я помнил. Как я могу забыть?

В последнее время она постоянно распространяется об исцелении, о том, как важно позволить себе окунуться в океан горя, а потом осознать, что настал момент выбраться и высушиться.

Видимо, мама уже давно стала суховатой.

А я камнем шел на дно.

– С Фрэнком я счастлива, солнышко. Во всяком случае, мне не грустно. И мне бы хотелось чувствовать это почаще, понимаешь? И еще мне бы хотелось, чтобы ты тоже так себя чувствовал. Может, не с Фрэнком, но хоть с кем-то. Или с чем-то.

Я вообразил стук в дверь. Войдите, скажу я. Бойфренд Фрэнк приоткроет дверь и засунет в проем волосатую голову. Эй, Вик. Тебе что-нибудь нужно? Я кивну. Иди прыгни с моста, Фрэнк.

Мама обняла меня.

И я почувствовал, что это наш последний обед вместе.
Спас, детка.

Я попытался обнять ее в ответ, но руки безвольно свесились вдоль моего тела: нелепые ветки, слишком длинные, слишком слабые.

– Он дал мне папин бокал, – сказал я тихо.

– Что?

– Клинт. Когда он пошел мне за колой. – Внезапно в объятиях появляется какая-то сдержанность, нерешительность, которой не было секунду назад. – Он поменял мой стакан и дал мне папин. Они ужасные, мам. Они меня ненавидят.

... ..

– Они тебя не ненавидят. Они просто пока тебя не знают. Пока.

Такое коротенькое слово, а переворачивает все предложе-

ние с головы на задницу.

– Я поговорю с Фрэнком, – сказала она. – Кстати, о Фрэнке. Ты должен перед ним извиниться.

Я кивнул, и мама выпустила меня из объятий, шагнула к двери, потом в столовую, навстречу своей новой семье, прочь от меня.

– Но вообще-то это неправда, – сказал я, глядя на упавшую струну гирлянды.

– Что неправда?

Когда я решил, что надо это сказать, слова выпрыгнули сами.

– Вам с папой нравились одни и те же книги.

Наблюдая за тем, как слезы набежали ей на глаза, я ощутил странное чувство облегчения. Он все еще был ей важен. То, что было у нас, было важно. Мама могла сколько угодно флиртовать, улыбаться и печь миллиард пирогов, но ее глаза тоже умели предавать. Они рассказали мне все, что я хотел узнать. Что бы там ни было между ней и Фрэнком, не шло в сравнение с тем, что было у них с папой. И она сама это знала.

Мама сморгнула слезы, натянуто улыбнулась и открыла дверь в столовую:

– После тебя, золотце.

Я стоял, примерзнув к полу.

Я стоял, уставившись внутрь.

До чего вальяжно.

– Вик? – Мама повернулась и заглянула в дверь. – Что...

В столовой Клинт с Кори стояли на стульях, повесив гитары через плечо.

– И раз! И два! И три! – взвопил Клинт хрипло – хрипло больше обычного.

«Оркестр потерянных душшш» вгрызся в песню с тем особым энтузиазмом, который ведом только людям, не подозревающим, что они не умеют петь. До чего неловко. Я весь вспотел. Всем, всем неловко. Фрэнк сидел на своем стуле и, не отрываясь, таращился на маму с каким-то напряженным видом. Когда песня подошла к концу, он сказал:

– Я понимаю, что время сейчас... ну, не совсем подходящее. – Он перевел взгляд на меня. – Вик, я надеюсь, ты воспримешь это как доказательство моей любви и преданности. И тебе, и твоей маме.

Не успел я спросить, что это значит, Фрэнк прокашлялся и поднялся с кресла. Я все ждал, когда он встанет, но этого не случилось.

Бойфренд Фрэнк опустил на одно колено.

Бойфренд Фрэнк засунул руку в карман.

Бойфренд Фрэнк достал кольцо.

Бойфренд Фрэнк хотел стать Мужем Фрэнком.

Новым Папой Фрэнком.

Мама закрыла рот обеими руками, а я беспомощно наблюдал, как перед моими глазами разворачивается эта сцена.

– Дорис Джекоби... – сказал Фрэнк.

Как интересно, подумал я. Он нарочно опустил фамилию Бенуччи.

– ...сделай меня самым счастливым мужчиной на свете. Я тихо наблюдал за матерью. Странно. Она все еще не выбежала, вопя, из дома, не понеслась по улице, вырывая на бегу клоки волос, разрывая на себе одежды и восклицая в ужасе и тоске... Она даже не рассмеялась, не выхватила папину урну из коридорной темноты и не швырнула ее Фрэнку в лицо со словами: «Я уже занята, сучонок!»

Пока что она ничего такого не сделала.

Как странно.

– Выходи за меня.

Кто-то закричал.

Все посмотрели на меня.

Крик – по моей оценке, самая разумная вещь из всех, что случились за последние пару минут, – вырывался из моего собственного рта. Или из чрева. Или изо рта. На самом деле, из всех их вместе.

Я закричал снова. Казалось, это правильный поступок.

И снова.

Да, кричать во всю глотку – это самое уместное, что можно было сделать.

Без слов. Животные крики сотрясали мое тело.

Откуда-то сверху, с потолка, я увидел, как Вик бежит из кухни. В коридоре он преодолел свою неспособность прикоснуться к папиной урне и просто схватил ее в руки. Он ощу-

тил тяжесть урны. Какая тяжелая. Мне не стоило удивляться, подумал он. Я держу в руках всего отца, того самого лысого мыслителя сердцем, который научил меня находить красоту в асимметрии, привел меня в Страну Ничего, подарил мне парящие сопрано. Его прах должен быть еще тяжелее. Вик засунул урну в рюкзак, скользнул ногами в ботинки, натянул куртку и рванул на улицу. Ему надо было унести папу из этого места, от этих возмутительных «дзынь-дзынь-как-прошел-твой-дзынь-дзынь-день», от счастливых дружных голосов. Он должен был найти место, где его отец, последняя и величайшая в мире Суперскаковая Лошадь, мог бы упокоиться с миром.

И он знал, куда понесет папу.

МЭД

Родиться 31 декабря – значит наблюдать, как целый мир празднует в твой день рождения что-то другое. Но мама видела это иначе. Она называла меня своим подарочком на Новый год, говорила, это значит, что я особенная, предназначенная для великих свершений. Я была немного младше всех в классе – мама сказала, что в этом была моя изюминка. Я раньше закончу школу, раньше узнаю мир и, может, найду то самое великое свершение, для которого предназначена.

Я зажгла сигарету, от души жалея, что мамы нет рядом. Затануться. Выдохнуть.

Успокоиться.

Снег все падал и падал, ветер все дул и дул с реки, а я смотрела на подводную лодку, размышляя о превратностях своего прошлого и пытаюсь предугадать, что ждет меня в будущем. Через три недели, на Новый год, будет мой новый день рождения, и свобода восемнадцати обрушится на меня всеми почестями и привилегиями совершеннолетия. Во-первых, я официально смогу спасти нас с Джеммой от железной хватки дяди Леса. Я и сейчас могла спокойно исчезать на сколько захочу; он то ли не замечал, то ли не возражал. Но пока что мне приходилось возвращаться. Джемма меня почти не узнавала, но я все равно возвращалась, всегда. В последнее время я много думаю о любви и о том, как она не зависит от того, кто ее получает. Только от того, кто даст. Неважно, узнает ли меня бабушка. Я слишком ее любила, чтобы оставлять прикованной к дяде Лесу.

Приди же, восемнадцатилетие, со всеми своими дурацкими почестями и привилегиями.

Проблема была в том, что, совершеннолетняя или нет, я понятия не имела, куда нам идти и как туда попасть. Я бы не стала выбирать место слишком далеко отсюда; мысль о том, чтобы расстаться с Базом, Зазом и Коко, была почти так же невыносима, как и перспектива потерять Джемму.

Затянуться.

Выдохнуть.

Успокоиться.

Я часто представляю себе различные ситуации в виде диаграмм Венна. В данном случае диаграмма получалась чрезвычайно тупой, где $A = \{\text{Человек, Который Знает, Что Делать}\}$, $B = \{\text{Человек, Который Понятия Не Имеет, Как Сделать То, Что Нужно}\}$ и их пересечение = $\{\text{Мэд}\}$.

Я затушила последнюю сигарету, надвинула вязаную шапку на уши и подула теплым воздухом на пальцы. Почему-то сидение у Ling по ночам помогало мне думать. Словно душа и сердце подводной лодки составляли мне компанию. Черная зимняя вода шла рябью, и тысячи снежинок друг за другом растворялись, едва прикоснувшись к реке Хакенсак. Интересно, днем тут так же красиво?

И как раз когда я собиралась встать и уйти, я услышала за спиной шаги.

Музей уже был закрыт, и хотя раньше у меня никаких проблем не случалось, я не была уверена, можно ли мне находиться тут после закрытия.

Там, метрах в двадцати вниз по реке, кто-то шел мне навстречу. Я замерла, наблюдая, как фигура подходит к забору, отделяющему землю от воды, и просунула руку сквозь металлическую сетку. Через секунду он огляделся, и в снежном свете луны я увидела знакомое незабываемое лицо: паренек из «Бабушки» и «Фудвиля».

Послушайте, я не то чтобы верю в разумную Вселенную или высший порядок. У меня нет никаких доказательств, что судьба вмешивается в наши жизни, как полубог из трагедии,

и играет людьми, словно шахматными фигурами. Так что, может, это волшебство подлудки вынудило меня заговорить с этим парнишкой, ну или просто тот факт, что я видела его до сегодняшнего дня от силы раза три... И три раза за один сегодняшний день. Или ладно, черт с ним, может, полубог из трагедии и правда передвинул меня, как пешку на шахматной доске. Как бы там ни было, я внезапно поняла, что иду ему навстречу.

Манифест Мэд гласит: *когда вселенский разум расставляет фигуры на доске, вставай на место ферзя.*

Между нами оставалось полметра. Я видела, как белые провода наушников выются ему в уши. Он встал на колени и достал что-то из рюкзака... Какой-то кувшин, что ли, или кастрюлю... Склонился к горлышку.

– Надеюсь, ты был прав, – прошептал он. – Надеюсь, в моей асимметрии есть красота.

Э-э-э, ладненько.

– Ты не надоедал, – продолжал он, и слова росли и становились громче в холодной заснеженной тишине. – Ты был Северным Танцором, племенным скакуном, самым суперским из всех скаковых коней.

Вне всяких сомнений, это был один из самых странных монологов, которые мне приходилось слышать. А ведь я живу с Коко, учтите!

Я наблюдала, как он сорвал липкую ленту и отвернул крышку кувшина. Его тело сдুলось, словно до этого момен-

та все было наполнено воздухом, энергией, ожиданием, а теперь... а теперь нет. Я развернулась – быстро, тихо. Почувствовала, что меня здесь быть не должно. И тогда...

– Эй!

Застигнута с поличным.

Я повернулась.

– Эй!

Парнишка неловко поднялся со снега.

– Что ты тут делаешь?

Какой удивительный первый вопрос. «Что ты тут делаешь?» предполагало, что вопрошавший тебя знает. Другое дело: «Кто ты?»

– Мне нравится приходить сюда по ночам, – ответила я.

Совсем не похоже на ответ серийного маньяка, что вы. Он издал короткое «а», словно я сказала что-то нормальное, а потом склонился, завернул крышку и пихнул кувшин обратно в сумку.

– А ты что тут делаешь?

Он достал носовой платок и вытер рот:

– Мне сейчас нельзя домой.

Мне тоже. Я кивнула, откинула волосы с лица и подумала о том, что он сказал, пока не знал, что я слушаю. *Надеюсь, в моей асимметрии есть красота.* Может, в этом и дело: легкая асимметрия в сочетании с полной неподвижностью черт. Его лицо не было отталкивающим. Совсем, совсем нет. Оно было совершенно уникальным. И я была невольно заинтри-

гована.

Я достала пачку сигарет, протянула ему одну, но он отказался. Я закурила.

Затянуться. Выдохнуть.

Согреться.

– То есть это... Я не знаю, куда мне идти, – сказал он. – Но домой мне нельзя.

– Ага.

– Долгая история.

– У меня тоже некороткая.

Затянуться. Выдохнуть.

Согреться.

Я наблюдала, как дымок поднимается в холодное ночное небо.

– Но, может, смогу помочь тебе с жильем.

* * *

Я должна была умереть.

Эта фраза постоянно крутилась у меня на кончике языка. Особенно когда я говорила с незнакомцами. Оно и понятно: нам наплевать на их чувства, не то что с членами семьи или близкими друзьями. Может, поэтому многие бросают супругов ради незнакомцев, которых встретили в Интернете. Ничего не стоит рассказать незнакомцу всю свою жизнь.

– Как насчет такого плана, – сказала я, сворачивая на Мер-

сер-стрит. – Я не буду спрашивать, как тебя зовут, и не буду спрашивать, почему ты не можешь пойти домой. Я даже не спрошу, что у тебя в этой вазе.

– Ладно.

– Но я спрошу тебя про Северного Танцора и про сверхскакового коня, и все вот это.

– Супер, – сказал он.

– Ну и отлично.

– Что-что?

– А что?

– Нет, я имел в виду... – Он покачал головой, опять достал платок и вытер рот. – Я имел в виду, не сверхскаковая лошадь. А Суперскаковая.

– Ладненько.

– Папа называл себя энтузиастом конного спорта. Был помешан на скачках. Он даже ставок не делал, просто любил смотреть. И в какой-то момент заинтересовался самими конями, их родословными и все такое. Мог рассказать все о самых быстрых скакунах, их М и О.

– М и О?

– Матерях и отцах. Так их обозначают в родословных. Однажды мы поехали на ферму, туда где-то час дороги. Они там забирают лошадей, которые слишком старые для скачек, или получили травму, и увозят их на эту ферму. Надеются, что их потомки станут еще лучшими скакунами. Или еще это... иногда собирают, эм... семя коня и, хм... впрыскива-

ют в кобылу.

– Мерзость какая.

Он кивнул и на ходу перевесил рюкзак на другое плечо.

– Папа иногда, когда починит кран, выиграет в настолку или угадает ответ в «Поле чудес»... Он иногда называл себя Суперскаковой лошадыю. Ну так вот, отвечая на твой вопрос, Северный Танцор стал отцом нескольких самых быстрых лошадей в мире.

Мы свернули на Стейт-стрит, прошли полицейский участок, и я заметила, что он говорит об отце в прошедшем времени. Я промолчала. А то вдруг еще спросит о моих прошедших временах.

– А как насчет такого, – сказал он. – Я не буду спрашивать, как тебя зовут, и не буду спрашивать, что ты делала одна ночью на реке. И про ребят, с которыми я тебя видел, не спрошу. А вот про твоих О и М спрошу.

– У меня их нет.

– Я имел в виду твоих родителей.

– Я знаю, что ты имел в виду.

Вот тебе и не собиралась говорить о прошедшем времени.

– Так эти ребята, с которыми ты гуляешь...

– Те самые, о которых ты не собирался спрашивать? – Я искоса улыбнулась ему. – Да все в порядке, чувак. Они мне как семья. Мы никому не нужны, поэтому мы нужны друг другу.

Нам оставалось идти минуты две-три, и я могла бы на этом

и закончить. Но я не закончила. Я подула на руки, чтобы согреться, и сказала:

– Ладно, ты рассказал мне про своего папу, а я расскажу тебе про мою маму. У нее был такой плакат в рамке. С кучей многозначительных цитат. Она заказала его на каком-то многозначительном сайте и повесила в коридоре. И сделала из него своего рода личный манифест. Начни делать то, что любишь. Все эмоции прекрасны. Когда ешь, наслаждайся каждым кусочком. Такая вот фигня. Я приходила домой из школы, а мама стояла одна-одинешенька в коридоре и читала вслух свой плакат. – Мы пересекли улицу Банта. До Салема оставался один квартал. – Ну я тоже начала читать их вслух. Так хорошо запомнила, что могла лежать ночью, уставившись в потолок, и декламировать их по очереди. Мне казалось, что раз мама так верит в свой манифест, что-то должно в нем быть особенное. А потом мы как-то возвращались с семьей из магазина, и в нас влетел пьяный водитель. Маму с папой насмерть. Я должна была умереть. – Вот она, эта фраза, во всем великолепии выбралась наружу. – Но у меня осталось только вот это. – Я отодвинула шапку от уха и показала шрам на виске. Я сбрасывала волосы с той стороны чтобы показать, что я ничего не прячу и не стыжусь, что я не боюсь своего прошлого. Мой шрам был боевым ранением, живым подтверждением моей победы. – В общем, мамин манифест был херней собачьей.

Я замолчала, хотя это был далеко не конец. Я не рассказа-

ла ему про свой манифест Мэд, полную противоположность маминному многозначительному плакату. Это было знамя, которое я несла с гордостью. Оно призывало меня к независимости, самостоятельности и бесконечной борьбе за выживание.

Пусть этот мальчишка и был незнакомцем, такими вещами я не собиралась делиться ни с кем.

* * *

Между улицами Банта и Салем я свернула в узкий проулок, известный в городе как Желоб. Тут что ни день случались то облава на наркоторговцев, то грабеж. Желоб соединял Мейн-стрит и Стейт-стрит и назывался так из-за того, что в нем совершенно отсутствовали окна. Словно архитекторы забыли нарисовать их на своих чертежах. А вот дверей было несколько: задние ходы магазинов, в которые сбрасывали мусор и все такое. Все двери запирались изнутри. Отсутствие окон и невидимость для прохожих делали Желоб рассадником всяких преступников.

Я подошла к одной из запертых дверей:

— Вот мы и пришли.

ВИК

– Что? Сюда?

Стоическая Красавица достала из заднего кармана ключ.

– Я тебя умоляю, – сказала она. – Я бы и злейшему врагу не пожелала ночевать в Желобе. Нет, нам внутрь.

На улице было совсем темно; единственным источником света служил фонарь вдали. Его свет отражался в снегу. Я сунул руку в карман, чтобы посветить телефоном, но вспомнил, что оставил его дома. Она возилась с замком, а я при-
творялся, что наблюдаю за тем, как она возится.

А вот за чем я наблюдал на самом деле.

1. За ее желтыми волосами, жидким солнцем сочившимися из-под шапки, как жидкое солнце.
2. За ее бледными щеками, раскрасневшимися на морозе.
3. За очертаниями ее плеч под курткой.
4. За очертаниями ее талии под курткой.
5. За очертаниями ее задницы под курткой.
6. За ее ногами.
7. За ее разрисованными «Найками».

Какой же я жалкий.

– Тут у нас не «Хилтон», – сказала она, открывая дверь и включая свет. – Но теплее, чем ночевать у реки. Надеюсь,

эта мысль скрасит твои впечатления. Должна бы скрасить.

Мы зашли внутрь, и я ощутил вонь комнаты. Неудивительно, что тут стояла такая густая, гнилая и плотная воню. С потолка свисали свиные туши, шесть штук. На полу крохотными красными лужицами блестели пятна водянистой крови. Как очаровательно. Как мерзко. Я натянул воротник на нос:

– Санэпиднадзор бы это местечко не одобрил.

– Еще бы, – отозвалась Стоическая Красавица, засовывая ключ обратно в карман. – Перед проверками тут все, разумеется, вычищают. А потом все возвращается на круги своя. Сам видишь, какие тут круги. Но, опять же, насмерть тут не замерзнешь. Так что радуйся.

Интерьер из свиных туш дополняли промышленных размеров печь, посудомоечная машина и письменный стол, заваленный документами и бланками заказов.

– Значит, договорились, – сказала она, поворачиваясь к двери. – Мы вернемся утром.

– Мы?

– Не волнуйся. Норм обычно не появляется на работе часов до одиннадцати.

Внезапно у меня в голове начала складываться ясная картина.

– Так это подсобка «Бабушки».

Стоическая Красавица кивнула:

– Хороших снов.

– Подожди секунду.

У меня были важные вопросы. Вопросы, прожигавшие дыру в моем мозгу. Я начал с того, который казался мне самым важным.

– Как тебя зовут?

...

– Это против правил, – сказала она.

– Каких правил? Не было никаких правил.

– Правил касательно вопросов. Мы установили их в ходе нашей предыдущей беседы.

Я не мог понять, шутит она или нет. Если да, то ничего милее я в жизни не видел. Если нет... черт, все равно ничего милее не видел.

– Меня зовут Мэделин. Сокращенно Мэд.

Она достала пачку сигарет из заднего кармана и закурила.

– А я Вик, – ответил я. Пока что все идет отлично. Надо продолжать в том же духе. – То есть меня называют Ви-ком. – Ладно, теперь достаточно. – Это значит, что на самом деле меня зовут Виктор. – Все, чувак, ты покойник. – Но это... При этом Виктором-то меня никто и не зовет... – Всем по-стам! Срочно отменить операцию! – Ну да, просто Вик.

Как быстро я научился презирать себя от всей души. И тут, о чудо, случилось чудо из чудес: Мэд слегка улыбнулась.

Сердце у меня слегка остановилось.

И она ушла.

Убитые свиньи устроили газовую атаку не хуже агентов КГБ.

Я не стал снимать куртку и ботинки. Сунул рюкзак под металлический письменный стол и нырнул следом. В мире мясницких подсобок чем дальше ты от истекающих кровью трупов, тем выше цена недвижимости. Уют тут был довольно специфический, напоминавший о сведенных конечностях. Я достал из рюкзака четыре предмета.

1. Капли от сухости в глазах, которые я тут же закапал.
2. Мои наушники, которые я засунул в уши.
3. Мой айпод, который я включил, сделал погромче, и поставил «Цветочный дуэт».
4. Мой папа. В урне.

Я мысленно пнул себя за то, что оставил телефон дома. Хотя кто бы мне стал звонить? И, главное, зачем? Однако в ощущении, что до тебя могут дозвониться, был какой-то комфорт. Особенно если учесть мое текущее местоположение. Однако я покидал дом в спешке: если верить часам на моем айпode, это случилось меньше часа назад – разве такое вообще возможно? Я убежал с одной-единственной мыслью: забрать папу из этого дома. Эта мысль разрослась в

шекспировский сюжет: я собрался бросить его останки в реку Хакенсак, где он навеки упокоится с подводной лодкой и не узнает о трагических событиях, которые неизбежно свершатся в тоскливых руинах имения Бенуччи в ближайшие месяцы или даже годы. Но затем на берегах реки под пение парящих сопрано я открыл урну. И увидел то, чего вовсе не ожидал.

Представьте себе: среди миллиардов людей, населяющих землю, есть один, который вам важен. Вы живете с ним и любите его. И вот этот человек умирает и, сгорев, рассыпается на миллиарды микроскопических кусочков. Эти кусочки помещают в некую емкость. Миллиарды к одному, один к миллиардам, миллиарды к одному. Иногда мне кажется, что любовь заключается в цифрах.

И теперь, в сени свисающих свиных туш, я смотрел на папину урну. Я отлепил липкую ленту, поднял крышку и отправился в свою Страну Ничего.

Эй, пап. Тебе что-нибудь нужно?

Нет, Вик, сказал бы пепел моего отца.

Все хорошо?

Да, Вик.

Ну вот и ладно. Спокойной ночи.

Спокойной ночи, Вик.

Насколько мне известно, в обычных урнах содержится только прах, ничего больше. Тогда получается, что эта урна не была обычной. Потому что в добавление к пеплу в папи-

ной урне содержался пакет на застежке, а в пакете фотография. Старый полароид: мои родители, свежелицые, энергичные, юные. Они стоят где-то очень высоко, на крыше небоскреба, и за их спинами простирается Нью-Йорк. Юная Дорис улыбается в камеру. Юный Бруно улыбается юной Дорис.

Юные родители влюблены.

Это было счастье, которое я едва помнил; оно казалось мне чуждым и далеким, как Сингапур. Я знал, что люди ездят в Сингапур, а некоторые там даже живут. Я видел Сингапур на картах, на глобусе, по телевизору. Исходя из всего этого, я знал, что Сингапур существует на самом деле, хотя я ни разу там не был и понятия не имел, как туда добраться.

Счастье было похоже на Сингапур.

Но урна была особенной не только из-за фотографии. В ней был незапечатанный конверт без адреса, без марок. Я достал из него листок линованной бумаги, развернул и прочел...

Моя Дорис,

мне кажется несправедливым, что записки оставляют только те, кто заканчивает жизнь по собственной воле. Я не выбирал смерть; смерть выбрала меня сама. Поэтому считай это моей Окончательной Запиской.

Я думаю, большинство людей за жизнь способны на один Великий Поступок. С того мгновения, когда мы с тобой, не раздеваясь, прыгнули в тот бассейн (дом Эмили Эдвардс, одиннадцатый класс, ты тогда

напилась, но я знаю, что ты помнишь этот эпизод, хотя и притворяешься, что не помнишь), до пяти минут назад, когда ты поцеловала меня в лоб, пообещала привести Вика в субботу, а затем, в своей обычной манере, споткнулась по пути к двери (ты думала, я не вижу, но я очень даже хорошо видел!), и все, все остальное время – все эти несовершенно прекрасные секунды – ты была моим Великим Поступком.

Столько воспоминаний.

Когда ты прочтешь это, станет ли их больше? Улыбаешься ли ты сейчас, думая о чем-то смешном, нелепом или грустном, что случилось между моментом, когда ты споткнулась, выходя из больничной двери, и моей смертью? Надеюсь, что да. Очень надеюсь. Но я чувствую, Дорис. Я чувствую, как она подходит. Я не боюсь. Может, мне бы хотелось прожить дольше, пережить больше, но я ни о чем не жалею. Вы с Виктором – мой север, юг, восток и запад. Вы – мое Повсюду.

Разве могу я потерять?

Ты знаешь все места в списке. Отнеси меня туда, пожалуйста.

Пока мы не станем старо-новыми.

Подвесь меня в гостиной.

Швырни меня с утесов.

Похорони меня среди дымящихся кирпичей нашего первого поцелуя.

Утопи меня в нашем колодце желаний.

Сбрось меня с вершины нашей скалы.

Мою голову заполнили парящие сопрано. Я знал, что нужно сделать.

И я не вернусь домой, пока не закончу.

Два

Маловероятные вещи, или Снотворный эффект запеканки из зеленой фасоли и объятий сбоку

Комната для допросов № 2

Мэделин Фалко и детектив Г. Бандл

19 декабря // 15:53

Детектив Бандл похож на атомное облако. Узкие стопы, лодыжки как веточки, тощие ноги; ремень на поясе, а затем – БАБАХ – живот, похожий на гриб ядерного взрыва, переливается через ремень и закрывает пряжку. Грудь колесом, коренастая шея и потное красное лицо дополняют сравнение.

– Ты оставила его там? – спрашивает он.

– У «Бабушки». Вернее, в подсобке у «Бабушки».

– Ты провела его через... как его там... – Он пролистывает папки, лежащие перед ним на столе. – Желоб.

Я слегкадвигаюсь в кресле. Синяки на спине, бедре, левой руке и лице заявляют о себе где-то глубоко внутри, словно татуировки на костях.

– Вы уверены, что с Джеммой все хорошо? – спрашиваю я.

– Мэделин, мы уже это обсудили.

– Я знаю. Но ее легко запутать.

– Прямо сейчас, пока мы разговариваем, о твоей бабушке заботятся лучшие специалисты Бергенской региональной больницы.

– И вы даете мне честное слово, что это не совсем отстойное место?

Бандл поднимает руку, словно произнося клятву:

– Я отвез туда собственную мать, когда у нее был лишай. Ну так вот. Расскажи мне про Желоб.

– Как вообще можно не знать о Желобе?

Детектив Бандл кинул взгляд на диктофон:

– А откуда можно о нем узнать?

– Да я же говорю, все знают про Желоб. Хотя подождите, вы что, недавно переехали сюда?

– Мэделин.

– Что?

– Зачем вообще приходить, если ты не собиралась с нами разговаривать?

Баз, скорее всего, молится в соседней камере, надеясь лишь на то, что мы сможем правдиво рассказать нашу историю. А Заз, Коко и Джемма надеются на то, что мы сможем рассказать нашу историю медленно. Смотрите, в чем тут дело: есть диаграмма Венна, где область $A = \{\text{Говорить Правду}\}$, область $B = \{\text{Выиграть Время}\}$, и область их пересечения очень невелика. Но если все пойдет по плану, именно в этой области мы с Виком проведем большую часть дня.

– Вы правы, – я драматично зеваю, изображая стереотип-

ного подозреваемого в резком свете оголенной лампочки. — Ох, боже, как же это тяжело. Ну ладно. Я пришла, чтобы...

Детектив Бандл складывает руки на столе и передвигается на край сиденья; стул протестующе скрипит под нечеловеческим весом.

Я склоняюсь к диктофону:

— Я хотела узнать, не поделитесь ли жвачкой.

Бандл оглушительно вздыхает, и лицо его становится пунцовым, как вишня.

— Мэделин, сегодня днем вы с Виктором пришли сюда с Базом Кабонго, и пахло от вас так, словно вы только-только выбрались из урагана с дерьмом.

— Я же сказала: у нас были свои причины.

— ...И вы настаивали, что Кабонго невиновен. Кабонго! Человек, у которого был мотив, возможности совершить преступление, приводы за насилие в прошлом и чье ДНК мы нашли на орудии убийства. Очевидно, вы испытываете к нему некую привязанность, и я уважаю ваши чувства, пусть и ошибочные. Мы знаем, что твой дядя прибежал к рукоприкладству. У тебя ссадины по всему лицу, ты морщишься от боли с той секунды, как села на стул, так что же это было... самозащита? Кабонго пытался помешать твоему дяде, когда тот замахнулся. Они вступили в драку, и Баз его убил. Просто скажи, что это была самозащита, и мы пойдем на сделку с Кабонго, обещаю.

— Но если он защищал меня, это уже меня защита!

Бандл качает головой:

– Знаешь что? Мне наплевать. Моя бы воля, мы бы вас обоих уже давно выпихнули под жопы. Сержант Мендес говорит, что, если верить этому твоему Вику, вы оба были там, в доме, где Кабонго совершил преступление. Если это правда, Мэделин, значит, ты стала свидетельницей самого ужасающего преступления, о котором я слышал, читал или последствия которого видел. И это не считая, что жертвой стал твой собственный дядя.

– Я рада, что он умер. – Слова вырвались у меня изо рта прежде, чем я смогла их остановить.

– Может, и так, – говорит Бандл, – но, если Вик сказал правду, если ты видела, как это произошло, и не говоришь нам, что именно ты видела, тебя ждет не море проблем, Мэделин, тебя ждет целая вселенная из проблем. – Он откидывается назад на стуле, засовывает руки в карманы, достает оттуда какой-то предмет и кидает на стол. – Вот твоя гребаная жвачка.

Я таращусь на упаковку жвачки на столе. Проходит секунд десять. В это время мне приходит в голову, что всего несколько минут назад я была нападающим в интервью, раздавала удары направо и налево, то уклоняясь от слабых тычков противника, то принимая их, едва замечая. Но я его недооценила. Детектив Бандл не был слабаком. Он выжидал подходящего момента, чтобы отправить меня в нокаут.

Я протягиваю руку к жвачке, но вместо этого беру стакан

воды, который до сих пор игнорировала. Жидкость освежает разбитую губу чистым холодом. Я опускаю стакан и осторожно прокашливаюсь.

– Сколько сейчас времени?

– Четыре с копейками.

Голос База в моей голове производит тот же эффект, что и вода на моих губах: он очищает и успокаивает. Пусть подумают, что захотят. Но не ври.

Пора рассказать мою историю, и к чертям узкую область на диаграмме Венна.

– Я отвела Вика в «Бабушкины деликатесы», потому что владелец – ранняя Глава.

(СЕМЬ дней назад)

МЭД

Позднее утреннее солнце светило сквозь заднюю дверь «Бабушки», протягивая внутрь щупальца лучей. Однако под стол оно не доставало. Виктор крепко спал, свернувшись клубочком вокруг рюкзака, словно защищая его от приливных волн.

– Он умер? – спросила Коко. Ей даже не надо было нагибаться, чтобы заглянуть под стол. Она скребла по дну ведерка ложкой, в одиночку справившись с половиной килограмма мороженого. Было почти одиннадцать. – А что это за

кровь? – спросила она с набитым ртом. Губы обведены колечком шоколада. – На вид он вполне мертвый, да? Ты думаешь, он умер? Если не умер, то режим дня у него так себе. Слушай, а чего это он вообще вернулся?

Коко задавала вопросы с частотой, с которой обычные люди дышат.

– Я же сказала, что встретила его у реки. Он сказал, что ему надо где-то переночевать.

Баз поставил на пол сумку с продуктами, которые мы только что купили в «Фудвиле». Он был жилистый, но сильный; никто не стал спорить, когда он вызвался нести сумку. Я доела клюквенный кекс и, держа обеими руками стаканчик кофе, смотрела, как Баз подходит к Виктору. Он поставил поднос с кофе на стол, склонился и легонько тронул Вика за плечо:

– Проснись и пойдём, приятель.

Вик резко подскочил, ударившись головой о столешницу.

– Ты чего это в крови, чувак? – спросила Коко. – И не ври мне. Я из Квинс.

Вик, потирая голову, оглядел себя. На штанине джинсов у него было пятно из высохшей крови. И лишь тогда мы заметили: от одной из туш к столу бежал крошечный красный ручеек.

– Ну пипец, – прошептала Коко, швыряя пустое ведро в мусорку.

– Коко, – одернул ее Баз.

– Эй, ну извини. Но это правда самое мерзкое из всего, что я видела.

Вик выбрался из-под стола, волоча за собой рюкзак. Он обернул наушники вокруг айпода и сунул его в карман.

Я схватила последний кекс из сумки с продуктами и протянула ему:

– Вот, держи. Если хочешь, кофе у нас тоже есть.

В другом конце комнаты открылась дверь, и вошел Норм.

– Не обращайтесь на меня внимание, – сказал он, швыряя нераспечатанный конверт в стопку на столе. – Аха! Маленький мальчик познакомился с моими друзьями, так?

Вик опустил взгляд на ботинки.

Норм хлопнул его по спине:

– Так ты теперь новая Глава?

– Эмм, что?

Норм, показав на Вика большим пальцем, смотрел на нас.

– Он не знает?

Баз приобнял дюжего русского за плечо и повел его обратно к двери:

– Большое спасибо за гостеприимство. Правда. Вы верный друг.

Норм расправил грудь, улыбаясь от уха до уха. Он бросил взгляд обратно на Вика:

– Это хорошие люди, маленький мальчик. Очень хорошие. Ты их слушай, так? Они тебе помогут.

Пробормотав «ладненько», Норм исчез. Вик осмотрелся,

взял кекс и, когда Баз предложил ему кофе с подноса, взял кружку, пробормотав «спасибо».

– Ребята, – сказала я. – Это Вик. Вик, – махнула я на остальных, – познакомься с Базом... его братом Нзази... и Коко.

Вик покивал, и, когда стало понятно, что он ждет, пока кто-то заговорит первым, Баз взял слово:

– Прошу прощения за спешку, но я уже опаздываю на работу. Не будь этого, я бы с удовольствием расспросил тебя про твою жизненную ситуацию и твои цели, но этому придется подождать. Пока у меня два вопроса, и единственный плохой ответ на них – это ложь. Вопрос первый. Тебе нужна помощь?

Не так давно Баз задал тот же вопрос мне. Когда я переехала к дяде Лесу, то почти сразу полюбила тайком пробираться через заднюю дверь в местный кинотеатр. Там все было по старинке, никакой охраны. Как раз то, что нужно. Убежище. Иногда я делала там домашку, иногда смотрела на экран, но обычно просто засыпала на заднем ряду. И в один из таких разов я услышала слова...

– Тебе нужна помощь? – повторил Баз.

Вик потер голову – то самое место, которым ударился о металл, и медленно кивнул, словно размышляя.

Баз сощурился:

– Мне нужно, чтобы ты сказал это вслух.

– Да, – сказал Вик. – Мне нужна помощь.

Я помню, как жарко было в кинотеатре; я закатывала рукава кофты и каждый раз улыбалась этому. Какая роскошь: закатать рукава и знать, что из-за темноты никто не увидит синяков. Как обычно, я заснула, а когда проснулась, он уже был там: работник кинотеатра со шваброй. Он спрашивал, нужна ли мне помощь. Я все еще не выбралась из ленивого тумана сна, но не думаю, что это сыграло какую-то роль. «Да», – ответила я.

За первым вопросом последовал второй.

– Ты причинил кому-то вред? – спросил Баз.

Вик нервно хлебнул кофе и сказал абсолютно то же, что и я в свое время:

– Что ты имеешь в виду?

Работник кинотеатра неподвижно нависал надо мной со шваброй в руке, и я не знала, надо ли мне испугаться. Честно говоря, не помню, что решила тогда, потому что в итоге стала испытывать к Базу то, что не так уж отличается от страха: я его полюбила. Это была странная любовь, нечто среднее между любовью к брату, отцу, священнику и другу детства.

– Я имею в виду, причинил ли ты кому-либо вред?

Вик сделал еще глоток, держа кружку в обеих руках и словно изо всех сил стараясь не расплескать.

– Нет, – ответил он тихо, но вместе с тем звонко.

Баз кивнул:

– Хорошо. Можешь остаться с нами, если хочешь. Мы живем в саду в Нью-Милфорде. Дорогая неблизкая, знаю, но

там тепло, и у нас есть еда. Решать, конечно, тебе, но ответ мне нужен прямо сейчас.

Баз редко кому это предлагал, но если это случалось, то обычно ему отвечали сразу же, и всегда положительно. Большинство новых Глав были в таком отчаянном положении, что убеждать их не приходилось. Вик, однако, немного подумал. Он оглядел нас, дыша шумно и размеренно, и было почти видно, как вращаются шестеренки у него в мозгу.

– Ладно, – сказал он наконец.

– Прекрасно, – отозвался Баз. – Нзази, Мэд, Коко... Можете отвести Вика к парнику? Пусть обустроится и вымоется.

– Ой, я не могу, – ответила я. – Я собиралась... в библиотеку.

На самом деле я планировала навестить Джемму, может, остаться там на пару дней. Баз стоял в дверях и смотрел на меня в упор. Ему даже не пришлось ничего говорить.

– Ладно, – сказала я.

– Спасибо. Я заканчиваю в пять. Можем встретиться у Наполеона, тогда обсудим нашу новую Главу.

А затем он повернулся к Вику:

– Ребята покажут тебе, где что. Пожалуйста, чувствуй себя как дома. – Потом к Зазу: – Не забудь сумку Гюнтера. – И, наконец, к Коко: – Никакой брани. Веди себя хорошо.

И он ушел.

Мы стояли в неловкой тишине; потом Заз дважды щелк-

нул пальцами, подобрал бумажный пакет и направился к двери.

– Вот именно, Заз, – прокомментировала Коко, выходя вслед за ним. – Полный пипец. Нянчиться с ним теперь целый день.

Я посмотрела на Вика, качая головой:

– Не обращай на них внимания. Они вечно так: новичков не очень жалуют. Но это ненадолго.

Вик перекинул рюкзак на другое плечо:

– Это у нее любимое слово?

– Пипец-то? Ага. Был у нас Глава, который заменял им матерщину. В сериале каком-то так делали, что ли. У Коко были проблемы с нецензурными словами, а Баз у нас немножко пуританин. Так вот, этот Глава предложил Коко заменять ее брань словом «пипец».

– А что такое Глава?

Мне показалось, он уже давно хотел задать этот вопрос и выжидал нужного момента, чтобы явить его миру, как насадка яйцо.

– Пусть лучше тебе Баз объяснит. Знаешь что? До Нью-Милфорда отсюда далеко, давай уже пойдем.

Дикие пустоши подсобки сменились зимней белизной ха-кенсакских улиц, и я шла, пыталась вспомнить, когда в последний раз так ощутимо чувствовала чужие мысли. Они танцевали, кружились и парили в воздухе, как снежинки.

ВИК

Папины родители умерли от инфаркта в апреле.

В один месяц.

Люди звонили, чтобы сказать нам, что молятся за нашу семью и посылают нам благие мысли. Люди приносили запеканки из зеленой фасоли. Люди сжимали нам плечи и обнимали сбоку. (Ну и говно же такие объятия! Либо вы обнимаете меня, либо нет. Решайтесь уже.) Я не знаю... Наверно, когда люди думают об утешении, им приходят в голову такие вещи. В любом случае, в том апреле наш дом не наполнился людьми. Он не наполнился любовью, искренними соболезнованиями или благими мыслями. Он наполнился запеканками из зеленой фасоли и объятиями сбоку.

Для папы это стало сильным ударом. Сами подумайте: оба родителя умирают в один месяц и от одного и того же. Кто угодно бы от такого загнулся, особенно мыслитель сердцем вроде папы.

Мы часто навещали бабушку с дедушкой; ходить к ним было все равно что оказаться в нескольких любовных историях. Папа боготворил маму, и мы все знаем, от кого он унаследовал свою романтичность. Бабушка с дедушкой отлично бы вписались в компанию старшеклассников: они тоже вечно целовались и обжимались по углам. И это, знаете, кое о чем говорило: выросли-то они в то время, когда супруги спали в

разных спальнях и называли друг друга Мать и Отец.

Дедушка и бабушка называли друг друга Джо и Хелен и, бросая вызов этическим нормам эпохи, спали в одной кровати.

Они были настоящими Суперскаковыми лошадьми.

Но да, вы правы: смотреть на их милования было не слишком приятно. Во время визитов мне мало что оставалось делать, кроме как:

1. Таращиться на стену с фотографиями, изображавшими отца в возрасте от рождения до тридцати лет. Они располагались в хронологическом порядке, поэтому папа вырос у меня прямо на глазах. Стена напоминала мне картинки в учебниках, иллюстрирующие эволюцию от обезьяны до человека.

2. Ждать появления кукушки в часах гостиной, которое случалось каждые пятнадцать минут, и наблюдать, как дедушка засыпает в вертикальном положении, откинувшись в своем любимом кресле.

3. Смиряться, пока мне надирают задницу в пул. (В нашей семье все просто гении бильярда. А я тем временем играю как последний обсос.)

4. Считать вазы с ароматической смесью в доме. (Двадцать семь. В доме их было двадцать семь. Двадцать семь ваз. С ароматической смесью.)

5. Наблюдать, как окружающие радостно лапают друг друга (как похотливые подростки перед уроком физики).

Дедушка с бабушкой жили в маленьком городке на окраинах Хакенсака под названием Нью-Милфорд. Я часто подолгу гулял там по улицам, стремясь избежать повышенной сексуальной активности среди пожилого населения. Экскурсии в пригород, как я это называл. Во время таких прогулок я неплохо изучил город. Моим любимым местом стала старая кирпичная стена через дорогу от заброшенного кладбища, красивого дикой, кинематографической красотой. Грузные замшелые деревья тянулись ветвями во все стороны; побеги и листва свисали над хаотично разбросанными надгробиями. Я часто сидел на этой стене и думал: «Ну ладно. Тут ничего так. Я не против, чтобы меня здесь похоронили».

Совсем рядом с кладбищем был сад: акр ухоженных растений, цветов и деревьев, которые смотрелись еще более опрятно на фоне разрухи и замшелости кладбища. Вдоль сада бежал по желобу ручеек; посередине его пересекал деревянный мост, весь увитый плющом. Был и гигантский сарай с вывеской («Магазин сувениров»), и старое двухэтажное строение с дымком из трубы, и ряд парников вдаль.

В тот судьбоносный апрель мы похоронили бабушку с дедушкой на кладбище у сада. Бабушка умерла вслед за дедом, и на ее похоронах папа, стоя у общего могильного камня и глядя в сад, поклялся, что будет навещать их каждую неделю. Пару лет он сдерживал свое обещание.

А потом заболел.

А потом умер.

Так закончилась история с посещениями бабушки и де-душки, которые умерли от инфаркта в тот судьбоносный апрель. (Так закончилось много что. На самом деле так закончилось все.)

Очень вероятно, что я зря следую за этими ребятами. Разумеется, я и не планировал положительно отвечать на странный вопрос База, пока...

Мы живем в саду в Нью-Милфорде.

В тот момент – вполне возможно, что ошибочно – я почувствовал, что это не просто возможность воссоединить папу с его мертвыми родителями. Я почувствовал, что это знак. Что это папа направляет меня в нужную сторону.

Я шел по Ривер-стрит, и внезапно мой рюкзак стал легче.

* * *

– Все хорошо?

Я вернулся из Страны Ничего и обнаружил что Мэд, повернув голову, смотрит на меня в упор.

– Что? – спросил я.

Что?

Самое емкое из слов.

– Я спросила, все ли хорошо.

– А. Да, спасибо.

Ребята шли в своем собственном ритме. Нзази вел процессию, выставив сумку с продуктами как баррикаду между

своим лицом и колючим снегом; сразу за ним Мэд вела Кокко за руку, обводя ее вокруг пешеходов, спешащих по Ривер-стрит в противоположную сторону.

Они напоминали мне стаю гусей, что сворачивают вместе в полете, даже не видя друг друга. Непонятно, как они знают, когда и куда сворачивать, но как-то знают. Вероятно, думаем мы, это просто чудо.

Я замыкал шествие, то и дело вытирая слюнявый рот и пытаясь не выглядеть отбившимся от стаи заморышем с перешибленным крылом.

Светлые волосы Мэд метались под желтой вязаной шапкой и в белом зимнем свете походили на свежий ломтик лимона или бенгальский огонь. Мой несчастный, думающий сердцем мозг пенился мыслями о Мэд. Но не было ни малейшего шанса, что она смотрит на меня так же, как я смотрю на нее. Скорее всего, она смотрит на меня так же, как я смотрю на себя сам.

Я малый мальчик.

Я допил остывший кофе, и вот мы уже сходим с дороги к реке Хакенсак, где нам открылась небольшая пустошь. Табличка гласила, что тут находится историческое место высадки с моста. Много лет назад мы с классом ездили сюда на экскурсию. Это было место какого-то сражения во время Американской революции; то тут, то там были разбросаны старинные дома, охраняемые государством. Я оглянулся на наши следы в снегу и подумал о том, как тут все выглядело то-

гда, в прошлом, и как странно, что здесь произошла битва.

Вот здесь, куда я только что шагнул.

И здесь.

И тут тоже.

Мы подошли к короткому пешеходному мостику, соединяющему Хакенсак с Нью-Милфордом; с обеих сторон подростки перекидывались снежками. Мы подошли ближе. Один из них поднял руки в воздух и воскликнул: «Перерыв!» Я узнал его: он ходил в мою школу. Роланд, кажется. Хотя все называли его какой-то странной кличкой, которую я сейчас не мог вспомнить. Роланд был обут в разноцветные ботинки, словно одевался в темноте. Он и его друзья принадлежали к особой касте учеников хакенсакской школы, которые просто не могли оставить меня в покое. (Это было главной целью моего существования в школе. Хотя я был не против, что со мной иногда здоровается президент ученического комитета Стефани Дон. Она была слишком милой, чтобы осознавать свою красоту, и слишком красивой, чтобы не карабкаться стремительно по социальной лестнице вверх. Ее приветствие в буквальном смысле позволяло мне пережить неделю поддразниваний.)

Пока мы переходили мост, я старался не поднимать лица и думать о войне, которая пришла на это место несколько столетий назад. От войск, марширующих навстречу кровавой гибели, к Бруно Виктору Бенуччи III, марширующему... а кто, собственно, знает.

Земля – странная штука. В отличие от людей, ей все равно, кто вытирает об нее ноги.

..

И вот посередине моста оно началось. Даже не слова, а осы, что жалят в уязвимую мягкую плоть. Бззззззз.

Мне в спину ударил снежок.

Потом в ногу. Потом в лицо.

– В яблочко! – завопил один из ребят.

Из рюкзака послышался папин голос: «Думай сердцем, Вик».

Я соскреб с лица снег, глядя вниз, чтобы они не увидели моих глаз. В этом был весь фокус: если они увидят глаза, то поймут, что мне не все равно. Я засунул руку в боковой карман рюкзака, нащупывая наушники: сердце просило парящих сопрано. Щелк, щелк, щелк, прокрутил вниз. Играй. Теперь я могу полностью исчезнуть в другом мире.

В том мире: все школьные клики оставили меня в покое. В том мире: я не был одним из семи миллиардов людей, населяющих землю.

В том мире: я был одним из четырех людей, населяющих землю. Папа, два сопрано и я.

В том мире: мы парили по небу, по облакам, над всем вот этим, беззаботные. Самая волшебная стая журавлей, что ловит души редкостных и прекрасных мыслителей сердцем.

В том мире: мое крыло срослось.

МЭД

Не знаю, что там слушал Вик, но надеюсь, что он включил плеер на полную громкость.

ВИК

– Полный назад! – Коко приподняла край ограждения из проволоочной сетки.

Мэд уже проползла вниз и протягивала руку к сумке с продуктами, которую Нзази передавал ей поверху. На той стороне улицы я увидел свой старый насест: каменная стена, смоковница. Я почувствовал присутствие маленького кладбища по другую сторону сада. Интересно, сколько раз папа приходил туда? Останавливался ли у сада?

– Чувак, – сказала Коко. – С тобой все о'кей?

– Что?

Она указала под забор:

– Не хочешь срать, не мучай жопу.

Словарь у этой девочки был на удивление обширным.

– А лет тебе сколько?

– Мне одиннадцать. Но по исчислению Квинс это около двадцати шести.

– А. Ну ладно.

Я передал рюкзак через забор, поморщившись, когда Мэд небрежно бросила его на землю. Проползя под проволокой, я стряхнул снег с колен и груди, быстро заглянул в сумку (к счастью, крышка на урне держалась хорошо) и последовал за остальными по аллее с шипастыми и мертвыми розовыми кустами.

– Что у тебя там? – спросила Мэд. – Пушечное ядро?

Я оставил ее слова звенеть в воздухе.

– Ну ладно, надеюсь, – сказала она, показывая на мои окровавленные джинсы, – что смену одежды ты тоже взял.

Я как раз собирался спросить, кто вообще носит сменную одежду в рюкзаке, как вдруг понял, что у меня там как раз завалялись любимые треники. Зимой в школьном спортзале дули чудовищные сквозняки, и вследствие этого учитель физры разрешил нам носить нашу собственную одежду вместо форменных шорт.

– Да, кстати, взял.

– Круто. Когда войдем, покажу тебе, где можно переодеться и помыться.

Снег горами высился по обеим сторонам тропинки. Туда-сюда сновали неровные желобки: кто-то совсем недавно чистил снег. Странно было идти по саду, которым я раньше лишь восхищался издали. Я поднялся на деревянный мостик с прибитой к нему табличкой: «Канал “У золотой рыбки”». Между прямоугольными брусками у меня под ногами огромные золотые рыбки лениво плыли по узкому ручью.

Канал «У золотой рыбки» получил свое имя от человека безо всякого воображения.

Перейдя мост, Нзази рванул к единственному зданию на участке: двухэтажному дому в колониальном стиле. Мы подождали на мосту, пока он положил сумку на крыльцо, постучал в дверь и трусой прибежал обратно.

– Пойдем, – дрожа, сказала Мэд и повела нас к ряду парников.

Во всем этом было что-то от «Волшебника страны Оз»: я словно ступил в портал и перенесся в причудливый мир с необъяснимым сводом правил и сворой безрассудных, диких детей без родителей (получается, это такая страна Оз с привкусом Нетландии). Хотя эти дети были, по сути, бездомными, они вели себя с каким-то достоинством, и я понимал почему. Как и страна Оз, сад был прекрасен и уютен в своей причудливости. Растения почти все стояли голые, но все равно здесь царил дух роскошного ботанического сада, словно внешность сада не могла передать его дух.

Вот что напоминал мне этот сад: старика с юным сердцем.

Мэд остановилась у самого маленького из парников, заткнутого в самый угол, как непрошенная мысль. Он был вдвое уже своего соседа. Скорее примечание к парнику, чем парник. Не основное блюдо, а объедки с обеда.

Я полюбил его с первой секунды.

– Добро пожаловать домой, – сказала Мэд.

Она открыла дверь, и мне в лицо ударило теплой волной.

Ребята побежали внутрь, сбросили куртки, повесили на вешалку и прошли в центральный ряд.

Я был не прав.

Это место было куда причудливее, чем Оз.

Переднюю сторону заполняли типичные парниковые штуки: ряды цветущей растительности на столах до пояса высотой, цветы в горшках, свисающие с прозрачных изогнутых стен... А вот сзади меня ждали декорации постапокалиптического фильма, который я когда-то увидел. В нем семья построила бомбоубежище и прожила в нем лет семь.

Для начала, в парнике были книжные полки – я насчитал пять, – заставленные консервированными фруктами и овощами, пакетами с орехами, чипсами, вяленой говядиной, бутылками воды, стопками книг и виниловых пластинок. Был там и проигрыватель. У задней стены гудел обогреватель; сразу перед ним располагались четыре спальных мешка: аккуратно заправленные, с подушками в головах. В противоположном углу стоял зеленый диван с кофейным столиком (словно это была совершенно обычная гостиная!) На столике – колода карт и лампа. Под калорифером я заметил розетку, от которой тянулись провода к лампе и проигрывателю.

– А хозяин не против? – спросил я. – Ну... Садовник, или кто там? Чувак, который живет в доме.

Мэд протянула руки к обогревателю:

– Гюнтер не возражает. Мы только должны приносить ему продукты и прочую всячину, чтобы ему не пришлось поки-

дать территорию. Судя по всему, он много лет назад выиграл в лотерею и решил, что пора помахать ручкой работе с клиентами. Люди перестали заходить в его сад, а Гюнтер перестал из него выходить.

– А как же школа?

– Гюнтер слишком старый для школы, – расхохоталась Коко. – Ха! Отличная шутка. – Продолжая смеяться, она достала с полки яблочное пюре, запустила туда два пальца и облизнула. – А мы... Мэд уже закончила школу, Баз работает в кинотеатре, копит на службу такси, которую они откроют с Зазом. – Нзази, выбиравший пластинку, щелкнул пальцами. – Остаюсь я. А я сирота.

– И что?

– И то, что сироты не ходят в школу. Чтобы ходить в школу, нужно подписать всякое дерьмище, а для этого нужны родители. Ну и адрес. Мне что, писать, что я живу в Одиннадцатом Парнике Справа, Сад Мейвуд, Нью-Милфорд? Можно сразу добавить «в каморке под лестницей». Это обычная школа, а не Хогвартс. Меня там так засмеют, что я в первый еще день со свистом вылечу.

– А Хогвартс – это тема, кстати, – сказала Мэд.

Коко кивнула:

– Да, еще какая.

– Корнуэльские пирожки, торт с патокой...

– Я даже не в курсе, что это за хренотень такая, корнуэльский пирожок, но все равно хочу его.

Нзази щелкнул пальцами, вытащил пластинку с полки Маловероятных Вещей, поставил ее на проигрыватель и опустил иглу. Та пошипела, заиграла музыка, и Нзази пустился в пляс. Он двигался с поразительной гибкостью: вытягивал локти, наклонял голову в сторону, щелкал пальцами в такт. Движения не были синхронизированы, но в них была гармония. Словно каждая часть тела разрешала остальным вместе сойти с ума. Нзази был королем джиги.

– «Don't Stop Believin'», – прокомментировала Коко, додая соус. – Его любимая. Эй, Заз, есть не хочешь?

Не прерывая танца, Нзази щелкнул пальцами. Коко схватила с полки пластиковый стаканчик с персиками и швырнула в него. Он поймал его, танцуя, оторвал крышку и опрокинул стакан в рот.

Меня хлебом не корми, дай узнать какой-нибудь миф или легенду. Мне нужна история. Мне нужно знать, как что-то случилось. У меня был дохреналлион вопросов, и я собирался задавать их, пока кто-нибудь меня не заткнет.

– Почему он щелкает пальцами? – спросил я, чтобы начать с чего-то.

Коко ответила:

– Один щелчок значит да, два щелчка значат нет. Зазу всегда есть что сказать; надо просто знать, как слушать. – Она швырнула пластиковый стаканчик в ближайшую мусорку, отклонилась назад и расставила руки в стороны. – Ну, что думаешь, чувак? Неплохо мы тут устроились, а?

Хватит, решил я. Хватит ей называть меня чуваком.

– Меня зовут Вик, – сказал я. – Или Виктор, если тебе так больше нравится.

– Виктор, боа-констриктор. – Коко рассмеялась звучным хрипловатым смехом, разбрызгивая вокруг себя капельки яблочного соуса. – Может, просто назовем тебя Удавом? Как тебе?

Коко продолжила говорить, но я уже не понимал о чем. Мэд только что сняла вязаную шапку, а следовательно, глаза выкатились у меня из орбит.

Она уже приподнимала шапку вчера вечером, чтобы показать мне шрам, и все равно сейчас я стоял, совершенно бес-толковый. Словно всю жизнь проходил со сгоревшим предо-хранителем, и мне его только что заменили. С одной сторо-ны волосы у нее были длинные, волнистые, непослушные. В точности как я представлял. С другой стороны она выбри-ла висок почти до затылка. Не до лысины, скорее короткий ежик. Прическа у нее была, как у панков с Западного побе-режья. Волосы вели к глазам, которые вели к губам, которые вели к коже, которая вела к, который вел к...

Мэд была картой.

А я был Магелланом.

Я разрабатывал маршрут, мечтал о неисследованных зем-лях и о триумфах, что ждут в каждой долине, каждом ущелье. Я мечтал о покато́й, чувственной высоте и о том, как я на нее взойду.

– Можешь спать вот там, – тихо сказала Коко.

Я – Суперскаковая лошадь.

– Что? – выдохнул я.

– Диван, – она показала в сторону Мэд.

Я стоял, похожий на объятия сбоку. Интересно, а девушка к дивану прилагается?

– Главы спят на диване, – сказала Коко, кидая Мэд упаковку вяленой говядины.

Я сделал глубокий вдох:

– А что это значит – главы?

– Не главы, – поправила Коко, – а Главы. С большой буквы.

– Откуда ты знаешь, что я имел в виду с маленькой?

– Услышала в твоём голосе.

Нзази схватил металлическую лейку, танцуя, пошел вдоль рядов растений, поливая на ходу.

– Ну ладно, хорошо... – Я прокашлялся. – А что такое Глава?

– Терпение, таракашка, – сказала Коко.

– Кузнечик, – сказала Мэд.

Коко приподняла бровь:

– Ты уверена?

– Да, вполне.

Коко пожала плечами:

– Терпение, кузнечик.

...

Эти ребята были не только стаей гусей. Они были деталями головоломки, забитым под завязку багажником, так же маловероятно организованными, как и маловероятные полки в их маловероятном обиталище. Я стоял, вытирая слюнявый рот. Пятое колесо в телеге, чувак, который вечно говорит что-то нелепое, словно объятия сбоку (вроде «о» или «чего»). Не деталь от головоломки, а скорее коробка, в которую они упакованы.

Я расстегнул рюкзак и достал треники с эмблемой «Метс». Папа называл их метсиками, и меня это страшно бесило.

А теперь... эх, черт. Я скучал по этому слову.

– Ты сказала, что покажешь, где переодеться...

– Точно. – Мэд спрыгнула с дивана. – Пойдем. Мне как раз надо покурить.

Зажав метсики в одной руке, я взял рюкзак в другую и собирался последовать за ней, но Коко сказала:

– Ты думаешь, украдем твое барахло? Такие мы жалкие, отвратительные оборванцы?

Я вынул из бокового кармана айпод и глазные капли, положил рюкзак на место и попытался стереть из мыслей образ Коко, запускающей грязные ручонки в папину урну.

– Думаю, ничего не случится.

Коко улыбнулась театральной улыбкой и положила руку на сердце:

– Ваше доверие ужасно много для нас значит. Правда,

Удав. Эй, слушай, а телефон у тебя там есть? С играми?

– Прости, – ответил я. – Оставил его дома.

Мэд ждала у входной двери, накинув радужную куртку и засунув руки в карманы. Вязаная шапка тоже вернулась на место. Я внезапно ощутил желание нарисовать ее. Художник из меня был никакой, да и поклонник искусства так себе. Мне хватало знаний ровно настолько, чтобы знать, что я ничего в этом не смыслю.

Мэд достала из кармана сигарету и заткнула за ухо. Обычно я считал, что курение отвратительно. Но теперь вдруг оно казалось мне сексуальным, но не так, как у соблазнительниц с сигаретой. Мама с папой раз в неделю пересматривали «Касабланку» (разумеется, тогда я ненавидел эти сеансы, а теперь скучал по ним, бла-бла-бла), и мысль о курящей Мэд по ощущениям была похожа на этот фильм. Сексуально, как «Касабланка».

Ну, я, в общем, не знаю.

В этот момент я не думал сердцем моего мозга. Я думал палубной оружейной установкой моей USS Ling.

МЭД

Затянуться.

Выдохнуть.

Успокоиться.

– Ну что, Гарри Конник Младший-Младший, доложите

обстановку!

Если бы эта раздутая туша не плавала спиной наверх, я бы решила, что он сдох. Я свесила ноги с канала «У золотой рыбки» и ждала, пока Вик закончит мыться и переодеваться. Он был удивлен качеством уборной, и, честно, его можно понять. Хотя, в отличие от парникового жилища, туалетной комнатой мы пользоваться официально не могли. Гюнтер и понятия не имел, что мы научились пробираться в окно магазинчика сувениров, а оттуда в ванную. Хотя если бы он узнал, то с чего бы ему расстраиваться? Не помню, когда в последний раз к нему заходили покупатели.

Небо по-прежнему напоминало холодный свинец, но по крайней мере ненадолго прекратился снег. Я зажгла следующую сигарету, и тут снова появился Гарри Конник Младший-Младший. Теперь он плыл в обратную сторону.

– Срезаешь углы, а, Младший?

– Ты с кем разговариваешь?

– Черт! – Я уронила зажигалку в узкий проем между брусками моста и услышала, как она плюхнулась в поток. – Чувак.

– Извини, – сказал Вик, присаживаясь рядом и кладя на колени комок окровавленных джинсов. – Зря ты так много куришь. От этого бывает рак.

Я злобно посмотрела на него сквозь дым и затянулась еще раз. Задержать, выдохнуть, продолжать злобно смотреть.

– Рак от чего угодно бывает.

– Верно. Но от некоторых вещей с большей вероятностью.

– А ты-то что об этом знаешь?

Он опустил взгляд на воду, и я заметила, во что он переделся: синие треники с логотипом «Метс» на правом бедре и резинками вокруг лодыжек. Из-за них ткань над зашнурованными ботинками стягивалась букетом.

– Это мои метсики.

Я рассмеялась, выдохнув облачко дыма:

– Твои что?

– Метсики.

В том, что Вик надел эти штаны, было нечто отчаянно-величественное, словно он оглядел грудку оружия, которую собрал против него мир, потом пожал плечами и швырнул еще один арбалет в кучу.

Метсики. С их помощью Вик посылал мир ко всем чертям. Я была в восторге.

И тогда я пожалела, что не пнула тех чуваков на мосту по яйцам.

Он повел глазами вверх-вниз, словно в стороны глаза у него не двигаются. Я уже несколько раз видела, как он это делает, но каждый раз меня это удивляло по-новому.

– А кто такой Младший? – спросил он.

И тут у нас под ногами появился, словно призванный королем золотых рыбок, Гарри Конник Младший-Младший.

– Вот он и есть Младший, – сказала я. – Это наша золотая рыба. Я назвала его Гарри Конник Младший-Младший.

– В честь певца?

– Да. И актера. Этот парень, похоже, не знает, что такое выходные. Звучит из каждого утюга, особенно в праздники. Так вот, этим летом в реке плавала целая куча золотых рыб, а теперь остался он один. Вот посмотри. – Вверх по течению, метрах в десяти от нас, на волнах качался красный предмет, напоминающий перевернутую салатную миску. – Это антиобледенитель. Он подогревает воду, чтобы она не замерзала. Но в этом году Гюнтер поставил только один антиобледенитель. Этого недостаточно. Рыбы началидохнуть одна за другой, и теперь это скорее не канал «У золотой рыбки», а чума у золотой рыбки. Они просто умирали от холода.

– За исключением Гарри Конника Младшего-Младшего. Я кивнула:

– Рыба, которая не сдается.

Затянуться.

Выдохнуть.

Успокоиться.

– Мне нравится ваш парник, – сказал Вик.

– Ага, он странный.

– Не такой уж и странный.

Я недоверчиво посмотрела на него. Он что, шутит?

– Ну ладно, – кивнул Вик. – Странный, странный. Но крутой.

– Но это все равно временное жилье. Пока мы не накопим на что-нибудь получше.

Затянуться.

Выдохнуть.

Успокоиться.

– Я раньше подолгу смотрел на это место, – прошептал Вик, показывая куда-то через дорогу. – Сидел на той каменной стене и таращился в сад.

– Правда? А нас ты видел?

Он покачал головой.

– Это было давно. Мои бабушка с дедушкой жили рядом, но они... – Он резко оборвал себя и уставился на воду. – Ну вот. Я подумал, что это странное столкновение.

– Столкновение?

– Совпадение.

Вик достал носовой платок, промокнул уголок губ. Я разглядела у него на запястье болячки: пять или шесть тонких царапин, подернутых корочкой. Они не были похожи на шрам на моей голове. В школе у меня была подруга, которая резала себе руки. Нет, тоже непохоже. Эти казались тусклее; не такие глубокие, наверно? Он достал из кармана куртки айпод, убрал длинные волосы за уши и воткнул наушники.

Ну что ж, видимо, наш разговор закончен.

Затянуться.

Выдохнуть.

Успокоиться.

– Вот, – сказал Вик, протягивая наушник.

– Ты предлагаешь мне свой наушник? – спросила я.

– Ага.

– Я думала, это только в кино люди так делают.

– То есть ты намекаешь, что мы в кино?

– Ох, если бы.

– В каком?

– Что?

– В каком фильме ты бы хотела оказаться?

Я часто видела, как другие – особенно в кофейнях или еще в том уличном кафе на Хенли, его еще закрыли недавно – говорят таким текучим странным слогом, словно разговор был распланирован и заучен еще до того, как участники открыли рты. Я редко принимала участие в таких беседах, да и то только с Коко.

– «Аполлон 13», – сказала я.

– «Аполлон 13».

– Ну а что. Том Хэнкс в космосе. Ты такой крутой, что презираешь фильмы про Тома Хэнкса в космосе?

– Насколько я помню, Тому Хэнксу в космосе приходится очень несладко. Хотя если подумать, на необитаемых островах тоже.

– *Au contraire*, – возразила я. – Том Хэнкс выживает и там, и там.

– Выживание. На этом твои амбиции заканчиваются.

– Конечно, блин! Ну, в любом случае, космос я люблю.

– В каком смысле?

– В прямом. Черные дыры, планеты-карлики, погасшие

звезды, чей свет мы видим сквозь десятилетия. Всякое такое. Прямо хлебом не корми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.